

THE BLACK SEA REGION IN THE MIDDLE XII AGES

Edited by S. P. Karpov

Center of Byzantine
and the Black Sea
Region Studies

Historical Faculty
Moscow State University

St. Petersburg
ALETHEIA
2024

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА XII

Под редакцией С. П. Карпова

Лаборатория Истории
Византии и Причерноморья

Исторический факультет
Московского государственного
университета

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2024

УДК 94(495)"04/14"

ББК 63.3(0)4

П 776

Редакционная коллегия:

академик РАН *С. П. Карпов* (отв. редактор),

кандидат исторических наук *С. Г. Бочаров*,

кандидат исторических наук *М. В. Грацианский* (отв. секретарь)

П 776 Причерноморье в Средние века / под ред. С. П. Карпова.
Вып. XII. – М.; СПб.: Алетейя, 2024. – 354 с.: ил. – (Труды
Исторического ф-та МГУ).

ISBN 978-5-00165-798-9

Подготовленный 12-й выпуск периодического издания «Причерноморье в средние века» продолжает традицию публикации новых источников и исследований по истории Византии и Причерноморья. В нем публикуются материалы круглого стола «Причерноморье между Западом и Востоком в XIII–XV вв.», состоявшегося в ходе XXIV Конгресса византийских исследований в Венеции и Падуе в августе 2022 г., а также результаты текущих исследований научных школ Москвы, Крыма и Севастополя. Публикуются материалы на русском, английском и итальянском языке, рассчитанные как на отечественного, так и на международного читателя. Центральное место занимает публикация русского перевода исследования Л. Баллетто о Каффе в период османского завоевания Крыма. Выпуск также включает исследования роли папства в событиях III Вселенского собора в Эфесе, мангупских надписей и разных аспектов истории генуэзского Причерноморья и Срединноморья в XIV–XV вв.

УДК 94(495)"04/14"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-00165-798-9

9

785001657989

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2024

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2024

Предисловие

Очередной, 12-й выпуск научного сборника «Причерноморья в Средние века» подводит итоги круглого стола «Причерноморье между Западом и Востоком в XIII–XV вв.», состоявшегося в ходе XXIV Конгресса византийских исследований в Венеции и Падуе в августе 2022 г., а также включает материалы текущих исследований научных школ Москвы, Крыма и Севастополя. По уже сложившейся традиции, сборник имеет международный и междисциплинарный характер и статьи в нем публикуются как на русском, так и на иностранных языках, принятых Международной Ассоциацией византиноведческих исследований.

Сборник открывает статья Михаила Вячеславовича Грацианского «Папа Целестин I и попытка осуждения Нестория Константинопольского накануне III Вселенского собора», в которой автор подробно анализирует церковно-политическую ситуацию в Восточной Римской империи накануне III Вселенского собора в Эфесе (431 г.), как она отражается в переписке Римского папы Целестина I (422–432) с его восточными корреспондентами.

Статья Щербана Марина имеет двойное предназначение: с одной стороны, она реконструирует события византийской «реконкисты» и возвращения Константинополя под власть Михаила VIII Палеолога в 1261 г. в момент ухода из города венецианского флота к острову Дафнусий (а на самом деле — и к Месемврии, и против трапезундцев), а с другой — дает обзор всего фонда венецианской хронистики (267 рукописей и изданий), освещающей это событие. Его приложение к статье имеет особое значение как истинный путеводитель по корпусу венецианских хроник с XIII по XVIII век.

История богатейшей семейной торговой компании Квирини раскрывается в статье Николы Каротенуто по материалам наследственного дела ее главы, прокуратора св. Марка Фреско Квирини, умершего в 1348 г., вероятно от чумы, и сопровождающим завещание Фреско документам Венецианского государственного архива (Procuratori di S. Marco, Misti, Commissarie, 100–100A). Фреско торговал в основном перцем, серебром, золотой канителью, драгоценными камнями, жем-

чугом, хлопком, то есть дорогими элитными товарами в условиях дефицита наличности, а также квасцами. Ареал его активности как главы *фратерны* распространялся от Трапезунда до Кипра и в своей деятельности он опирался на своих сыновей, партнеров и преемников. Автор показывает, что Трапезунд был в центре этой международной посреднической торговли, и выделяет один важный факт: холстина, привозимая через Тебриз и Грузию, находившаяся в распоряжении компании в Трапезунде, как ни в каком другом месте Черного моря, служила важнейшим торговым эквивалентом наряду с драгоценными металлами. Автор отмечает коммерческие риски, навигацию судов и межкультурные связи в фактории. Статью подкрепляет издание трех торговых писем из Трапезунда из вышеупомянутого фонда Misti, Commissarie, 100–100A, Commissaria Querini.

Несколько статей посвящены экономически связанной с Трапезундом итальянской фактории Тана. Это публикация Сергея Павловича Карпова «О значении Таны как связующего звена между Западом и Востоком в XIV–XV вв.» и Ангелики Цавары «Ночь св. Екатерины в Танае 1437 года: просопографический подход». В последней из них греческая исследовательница анализирует рассказ автора известного путешествия в Тану Иоасафата Барбаро о неудачных раскопках группы венецианцев одного из курганов вблизи Таны в 1438 г. в поисках сокровищ. Интерес представляет здесь реконструкция имен участников и жителей Таны из числа венецианского нобилитета, их занятий и даже облика.

История средневекового Мангупа (Феодоро) XIII–XIV вв. крайне скупо представлена в письменных источниках, да и археологические данные сохранившихся памятников не слишком многочисленны. Тем большее значение представляет анализ всего комплекса мангупских надписей с уточнениями их прочтений и датировок. Скажем сразу, это наиболее дискуссионная область, и всякое продвижение в ней, принятая здесь, в частности, крымскими коллегами Павлом Владимировичем Кузенковым и Юрием Мироновичем Могаричевым, заслуживает должного и благодарного внимания и дальнейшего обсуждения специалистов, тем более, что на основании эпиграфических данных авторы предлагают и датировку этапов формирования военно-административных структур в районе Мангупа.

Определение статуса «burgenses» жителей итальянских факторий Средиземноморья остается наиболее дискуссионной, хотя число этих самых «бургенсов» в поселениях и портах региона весьма велико. К

рассмотрению того, кто, как и почему именовался «бургенсом» обращается в своей публикации Сандра Оригоне, привлекающая для своего анализа как их положение в Причерноморье, так и в аналогичных генуэзских факториях Эгеиды. Широкий сравнительный контекст позволил автору прийти к заключению, что само это понятие, выросшее из категорий коммунального строя итальянских республик, меняет свое значение как, с одной стороны, социально-демографического, и с другой — военно-политического характера. В начале процесса колонизации генуэзцы стремились расширить свою социальную базу, включая сюда автохтонное население. С конца XIV в. сам этот статус становится все более замкнутым и связанным с торгово-политическими интересами генуэзских элит. Его предоставление становится прерогативой генуэзских магистратов.

Обширная статья Лауры Баллетто содержит важную информацию о ситуации в Причерноморье накануне и после падения Каффы в 1475 г. Ее оригинальный текст под названием «Caffa e il Mar Nero negli atti notarili genovesi precedenti e successivi alla conquista turca (6 giugno 1475)» был представлен на итальянском языке и по просьбе автора, а также в виду значимости информации для отечественного читателя, был переведен на русский язык. Перевод основного текста статьи был осуществлен Мариной Николаевной Бахматовой под литературной редакцией Елены Ростиславовны Нестеровой с сохранением всех особенностей стилистики автора. Однако он потребовал весьма значительного редактирования текста и сносок, где автор перемежает итальянский язык с латинскими вставками из источников. Перевод на русский язык чрезвычайно многочисленных латинских и староитальянских цитат и вставок был выполнен М.В. Грацианским и С.П. Карповым, причем последним также была произведена идентификация технических терминов и понятий. Несмотря на очень сложный стиль и манеру изложения автора, статья содержит уникальные сведения по истории Каффы и всего Причерноморья в критический период османских завоеваний и эвакуации «латинского» населения из Каффы в Перу и в Геную. Особенностью статьи является то, что автор широко привлекает для восстановления ситуации генуэзские нотариальные акты, написанные уже после взятия города. Не взирая на постигшую итальянские фактории катастрофу, коммерческие интересы лигурийцев еще долгие годы после 1475 г. рассматривались судами и нотариями Республики св. Георгия, да и присутствовали в самих городах Северного и Южного Причерноморья.

Одним словом, главная задача этого сборника — представление и анализ качественно нового материала источников по истории Причерноморья и сопредельных территорий, а также выявление и рассмотрение дискуссионных проблем, относящихся ко всему региону «Большого Средиземноморья».

С.П. Карпов

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В СРЕДНИЕ
ВЕКА
XII

THE BLACK SEA
REGION IN THE
MIDDLE AGES
XII

Папа Целестин I и попытка осуждения Нестория Константинопольского накануне III Вселенского собора

М.В. Грацианский

Грацианский Михаил Вячеславович, PhD, кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник; Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века; Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва; gratsianskiy@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе впервые в отечественной историографии изучается вопрос политики папского престола в конфликте вокруг Нестория Константинопольского. С этой целью на основе издания актов III Вселенского собора, изданных Э. Шварцем, анализируется начальный этап этого конфликта, отраженный в переписке папы Целестина (422–432) с его корреспондентами, включая, прежде всего, Кирилла Александрийского и самого Нестория Константинопольского, в 430 г. Эта переписка и принятые в ходе нее церковно-политические и дисциплинарные решения, послужила поводом для последующего созыва императором Феодосием Младшим (408–450) в 431 г. Собора в Эфесе с целью детального соборного рассмотрения и оценки мнений и действий Нестория Константинопольского и Кирилла Александрийского. В силу объема материала автор статьи ограничивается анализом периода, предшествующего созыву Собора. Целью исследования является изучение идеологии папства на материале указанной переписки, а задачи исследования включают оценку совокупности высказываний папы Целестина, содержащихся в его переписке и характеризующих восприятие им роли и места папского престола в разрешении богословского и церковно-политического конфликта. Автор приходит к выводу, что Целестин использовал тот факт, что Кирилл Александрийский и Несторий Константинопольский практически одновременно обратились к нему с изложением сути разногласий между собой, для того, чтобы выступить

арбитром в их споре и попытаться разрешить его посредством приговора Римского собора, для вынесения которого личная папская позиция была решающей. Данный образ действий оказался категорически неприемлем для императора и в дальнейшем римский приговор стал в частности предметом обсуждения участников Эфесского собора.

Ключевые слова: Кирилл Александрийский, Несторий Константинопольский, папа Целестин I, император Феодосий Младший, III Вселенский собор в Эфесе, Римские соборы, римский престол, папская корреспонденция.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22–18–00167 «Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья».

Pope Celestine I and the Attempt to Condemn Nestorius of Constantinople on the Eve of the 3rd Ecumenical Council

M. V. Gratsianskiy

Mikhail V. GRATSIANSKIY, PhD, Candidate of Sciences (History); Leading Researcher; Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages; Moscow State University; Lomonosovsky prospect, 27–4, 119192 Moscow, Russian Federation; gratsianskiy@mail.ru

Abstract: In this work, for the first time in Russian historiography, the issue of the policy of the papal see in the conflict around Nestorius of Constantinople is studied. To this end, based on the publication of the acts of the Third Ecumenical Council, published by E. Schwartz, the initial stage of this conflict, reflected in the correspondence of Pope Celestine (422–432) with his correspondents, including, first of all, Cyril of Alexandria and Nestorius of Constantinople himself, in 430, is analysed. This correspondence and the ecclesiastical, political and disciplinary decisions made in course of it served as the reason for the subsequent convening by Emperor Theodosius the Younger (408–450) in 431 of the Council in Ephesus for the purpose of a detailed conciliar consideration and assessment of the opinions and actions of both Nestorius of Constantinople and Cyril of Alexandria. Due to the volume of material, the author of the article limits himself to an analysis of the period preceding the convening of the Council. The purpose of the research is to study the ideology of the papacy based on the material of this correspondence. The objectives of the research include assessing all statements of Pope Celestine contained in his correspondence and characterizing his perception of the role and place of the papacy in resolving the theological

and church-political conflict. The author comes to the conclusion that Celestine used the fact that Cyril of Alexandria and Nestorius of Constantinople had almost simultaneously approached him reporting about disagreements between themselves, in order to act as an arbiter in their disputes and try to resolve it through the verdict of the Roman Synod, for which the personal papal position was decisive. This course of action turned out to be utterly unacceptable for the emperor, and subsequently the Roman verdict became, in particular, the subject of discussion by the participants of the Council of Ephesus.

Keywords: Cyril of Alexandria, Nestorius of Constantinople, Pope Celestine I, Emperor Theodosius the Younger, the 3rd Ecumenical Council in Ephesus, Roman Synods, the See of Rome, papal correspondence.

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project no 22–18–00167 «Black Sea Region and the Mediterranean World during Periods of Crisis and Changes in the Middle Ages».

Конец 20-х гг. V века был ознаменован крупным церковно-политическим кризисом, выразившимся в осуждении предстоятеля Церкви Константинополя Нестория (428–431). Этот кризис имел как масштабное богословское, так и церковно-политическое измерение, и продолжался по крайней мере до 433 г., когда были устранены его главные непосредственные последствия в виде раскола между Антиохийской Церковью и прочими Церквями. Отдаленные последствия этого кризиса дали о себе знать в последующих расколах 449 и 451 гг., а в конечном итоге привели к созданию на протяжении V–VI вв. ряда новых конфессий в среде восточного христианства. Центральным событием этого кризиса стал III Вселенский собор в Эфесе в 431 г., в ходе которого как раз и нашли свое наиболее четкое выражение различные аспекты богословского кризиса, быстро приобретшего церковно-и гражданско-политическое измерения и потребовавшего для своего разрешения активного личного участия императора Феодосия II (408–450)¹.

¹ О III Вселенском соборе см.: *Hefele Ch.J.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. T. 2. Pt. 1. Paris: Letouzey et Ané, 1908. P. 219–377; *Camelot P.-Th.* Éphèse et Chalcédoine. [Histoire des conciles oecuméniques, 2]. Paris: Éditions de l'Orante, 1962. P. 13–75; *Grillmeier A.* Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. 1 (Von der apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalcedon (451)). Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1990. S. 605–691; Вселенские соборы. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. С. 52–72; *Л'Юилье П.* Правила первых четырех Вселенских Соборов / Авторизованный перевод с французского под редакцией протоиерея В. Цыпина. Москва: Издание Сретенского монастыря, 2005. С. 231–250; *Leuenberger-Wenger S.* Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert.

Несмотря на то, что инициатором и последующим протагонистом богословского спора оказался патриарх Кирилл Александрийский, решительно выступивший в 429 г. против богословских мнений Нестория Константинопольского, не менее активную роль в кризисе сыграл римский папа Целестин I (422–432), причем именно он оказался ответственным за то, что кризис уже в самой ранней фазе приобрел масштабное церковно-политическое измерение, выйдя за границы Восточной Римской империи². Движущие мотивы действий Целестина не ясны и едва ли могут быть в достаточной освещены на основании сохранившихся источников, однако нельзя не отметить, что запущенные Кириллом Александрийским события дали возможность для римского епископа ярко выступить на общеимперской церковно-политической арене после череды кризисов, негативно влиявших на репутацию папского престола на Западе³.

Как следствие, в нашем распоряжении имеется целый ряд документов, представляющих собой послания как лично папы Целестина, так и Римского собора, в которых находит свое отражение самосознание римского епископа, понимание им собственной власти и пределов

[Supplements to *Vigiliae Christianae*. Vol. 153]. Leiden; Boston: Brill, 2019. S. 19–38; The Council of Ephesus of 431. Documents and Proceedings / Transl. by R. Price with an Introduction and Notes by Th. Graumann. [Translated Texts for Historians. Vol. 72]. Liverpool: Liverpool University Press, 2020. P. 1–84.

² О роли папства в событиях вокруг III Вселенского собора: *Jugie M.* Nestorius et la controverse nestorienne. Paris: Gabriel Beauchesne, 1912. P. 33–44; *Caspar E.* Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. S. 389–422; *Haller J.* Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1 (Die Grundlagen). Urach; Stuttgart: Port Verlag, 1950. S. 136–152; *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Vol. 2. Roma: École française de Rome, 1976. P. 1347–1375; *Ullmann W.* Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. S. 56–60; *Wojtowycsh M.* Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. S. 283–303; *Grillmeier A.* Jesus der Christus... Bd. 1. S. 661–672; *Wessel S.* Cyril of Alexandria and the Nestorian Controversy. The Making of a Saint and of a Heretic. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 103–111.

³ См. об этом: *Грацианский М.В.* Кризис авторитета Римской Церкви в понтификаты Зосима (417–418) и Бонифация (418–422) // Византийский временник. 2021. Т. 105. С. 40–59; *Он же.* Проблема апелляции к римской кафедре в письмах блж. Августина о деле Антонина Фуссальского // Наследие блаженного Августина в патристическом и неопатристическом контексте. М.: Изд-во ПСТГУ, 2023. С. 89–144 (здесь: С. 110–115).

компетенции римского престола. Эти документы представляют ценность для реконструкции идеологии папской власти в изучаемый период в той мере, в какой последняя находила свое применение в деле обоснования и оправдания определенных церковно-политических шагов римских епископов. Они находятся в составе как актов III Вселенского собора в Эфесе 431 г., так и актов, отражающих последовавшие за ним события вплоть до 433 г., когда Целестина уже сменил на кафедре Ксис (Сикст) III (432–440).

Таким образом, целью данной работы является изучение папской идеологии так, как она отразилась в контексте церковно-политического кризиса, связанного с проведением III Вселенского собора в Эфесе в 431 г. и низложением патриарха Нестория Константинопольского. Для достижения этой цели нашей задачей является изучение переписки римского папы Целестина со своими корреспондентами, сохранившейся в составе актов этого собора, установление на ее основе последовательности событий, побудительных мотивов ее участников, а также проявления в ней тех или иных аспектов идеологии папской власти, на которых Целестин основывал свои действия. Также дополнительное освещение получит позиция папского престола в конкретных церковно-политических обстоятельствах. В силу значительной объемности материала в данной работе будет предпринят анализ только переписки, предшествовавшей созыву III Вселенского собора и заложившей ту церковно-политическую конфигурацию, которая была затем реализована в ходе Собора⁴.

Послания Нестория Константинопольского к папе Целестину

На протяжении 429–430 гг. архиепископ Несторий обратился к папе Целестину с целым рядом посланий, из которых до нас дошли два — первое и последнее⁵. Поводом к их написанию послужило в первую очередь, видимо, желание столичного предстоятеля вступить в переписку с римским епископом и обсудить ряд актуальных церковно-

⁴ Все переводы источников в данной работе выполнены нами, если это не указано иначе.

⁵ *Grumel V. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople. T. I. Fasc. I. Kadiköy-Istanbul: Socii Assumptionistae Chalcedonenses, 1932. P. 25–27.*

политических вопросов⁶. Это намерение явствует уже из первых строк первого послания, где Несторий говорит о необходимости «братского согласия» между ним и Целестином для того, чтобы совместно «бороться с дьяволом, противником мира»⁷. В качестве примера необходимости совместных действий он приводит следующий эпизод. «Некий Юлиан, а также Флор, Оронтий и Фабий, утверждая, что они епископы западных областей, часто обращались к благочестивейшему и достославнейшему императору и оплакивали свои дела, что они, хотя и православные, претерпели гонение в православные времена⁸. Часто сокрушаясь о том же самом и перед нами и будучи не раз отвергнуты, не прекратили они делать то же самое, но настаивают каждодневно, наполняя уши всех слезными голосами. Мы, со своей стороны, воспользовались по отношению к ним теми словами, которыми подобает, даже когда не знали истинную причину их дела. Но поскольку нам нужно более наглядное знание об их делах, дабы благочестивейший и христианнейший наш император не переносил часто от них печаль и не разделялись мы, не ведая их дел, ради отпора этому делу, благово-

⁶ Греческий оригинал писем не сохранился, в данной работе они цитируются по имеющемуся латинскому переводу, изготовленному не позже середины 430 г.

⁷ М. Войтович, похоже, считает, что обращение Нестория к папе как к брату было не вполне уместным: *Wojtowytsch M. Papsttum und Konzile...* S. 283.

⁸ Речь идет об италийском епископе Юлиане Экланском и его товарищах, осужденных в 418 г. папой Зосимом за приверженность учению Пелагия, православие которого папа сам подтвердил годом ранее. См. об этом: *Bruckner A. Julian von Eclanum. Sein Leben und seine Lehre. Ein Beitrag zur Geschichte des Pelagianismus.* [Texte und Untersuchungen. Bd. 15/3]. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1897. S. 9–13 *et passim*; *Speigl J. Der Pelagianismus auf dem Konzil von Ephesus // Annuario Historiae Conciliorum.* 1969. Vol. 1. S. 1–14; *Wermelinger O. Rom und Pelagius. Die theologische Position der römischen Bischöfe im pelagianischen Streit in den Jahren 411–432.* [Päpste und Papsttum, 7]. Stuttgart: Anton Hiersemann Verlag, 1975. S. 204–229 *et passim*; *Lamberigts M. Les évêques pélagiens déposés: Nestorius et Éphèse // Augustiniana.* 1985. Vol. 35. P. 264–280; *Idem. Augustine and Julian of Aclanum on Zosimus // Augustiniana.* 1992. Vol. 42. P. 311–330; *Lössl J. Julian von Aclanum. Studien zu seinem Leben, seinem Werk, seiner Lehre und ihrer Überlieferung.* [Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 60]. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. (ocoб. S. 250–319); *Lamberigts M. Recent Research into Pelagianism with Particular Emphasis on the Role of Julian of Aclanum // Augustiniana.* 2002. Vol. 52. No 2–4. P. 175–198 (ocoб. P. 194–194 о пребывании в Константинополе); *Idem. Cooperation of Church and State in the Condemnation of the Pelagians: The Case of Zosimus // Religious Polemics in Context. Papers presented at the 2nd International Conference of the Leiden Institute for the Study of Religions (LISOR) held at Leiden (27–28 April 2000) / Ed. by T.L. Hettema, A. van der Kooij. Assen, 2004. P. 363–375 (здесь: P. 372–374).*

ли сообщить нам о них сведения, чтобы из-за неведения ни неуместное милосердие не помешало справедливости истины, ни <после> канонического негодования твоего блаженства, которое против них в силу сект религии, пожалуй, оправдалось⁹, некоторые нечто иное сравнительно с этим будут полагать: ведь новшество сект заслуживает большого отпора со стороны истинных пастырей»¹⁰.

Данный пассаж достаточно убедительно свидетельствует о том, что эдикт западного императора Гонория об осуждении пелагианства от 30 апреля 418 г. и последующее письмо этого императора Аврелию Карфагенскому от 18 июня того же года, в котором Гонорий давал Аврелию полномочия собрать подписи епископата под осуждением Пелагия и его сторонников, очевидным образом не касался восточных епископов и по этой причине оставался на Востоке неизвестным¹¹. Весомым доказательством этого факта является то, что в эдикте против еретиков, изданном восточным императором Феодосием в мае 428 г.

⁹ Данное относительное предложение в латинском переводе письма Нестория, как представляется, было искажено при переводе с греческого. Ср. замечание и перевод Э. Аманна: *Amann E. L'affaire Nestorius vue de Rome // Revue des sciences religieuses*. 1949. Т. 23. Fasc. 1–2. P. 5–37 (здесь: P. 26. No. 1).

¹⁰ ACO. I.2. P. 12.22–13.6: *Iulianus quidam et Florus et Orontius et Fabius, dicentes se Occidentalium partium episcopos, saepe et piissimum et praedicatissimum imperatorem adierunt ac suas causas defleuerunt tamquam orthodoxi temporibus orthodoxis persecutionem passi; saepe eadem et apud nos lamentantes ac saepe reiecti, eadem facere non desierunt, sed insistent per dies singulos implentes aures omnium uocibus lacrimosis. his quidem ad eos sermonibus quibus oportuit, usi sumus, et cum negotii eorum ueram fidem nesciremus; sed quoniam apertiore nobis de causis eorum notitia opus est, ne piissimus et Christianissimus imperator noster molestiam saepe ab his sustineat nec nos ignorantes eorum causas circa negotii defensionem diuidamur, dignare nobis notitiam de his largiri, ne uel quidam ignorando iustitiam ueritatis importuna miseratione conturbent uel <post> canonicam indignationem beatitudinis tuae, quae contra eos pro sectis religionis forte probata est, aliud quidam quam hoc aestiment. nam sectarum nouitas multam meretur defensionem a ueris pastoribus.*

¹¹ См.: *Wermelinger O. Rom und Pelagius*. S. 196–200; *Грацианский М.В.* Кризис авторитета Римской Церкви в понтификаты Зосима (417–418) и Бонифация (418–422) // *Византийский временник*. 2021. Т. 105. С. 40–59 (здесь: С. 47–48). Ряд авторов исходят из странного предположения о том, что дела Пелагия и Юлиана со товарищи были конечно же хорошо известны на Востоке. Предварительным условием для такого утверждение было бы изучение вопроса об известности обстоятельств этих дел на Востоке до Эфесского собора, однако указанные авторы его не проделывают. Как следствие, им приходится выдумывать мотивы, почему Несторий поддержал еретиков; впрочем, делают они это весьма охотно. Ср.: *Disdier M.Th. Le pélagianisme au concile d'Éphèse // Échos d'Orient*. 1931. Т. 30. No 163. P. 314–333 (здесь: P. 318–320); *Speigl J. Der Pelagianismus...* S. 3–8.

по настоянию Нестория, пелагиане, и тем более сторонники Юлиана Экланского, не упоминаются¹².

Из приведенных слов Нестория не следует, что Юлиан сотоварищи подали ему апелляцию¹³. Константинопольский епископ, разумеется, не имел законной возможности принимать и рассматривать дела епископов Италии по собственному почину. Несторий сам говорит, что изначально апелляция была подана императору, и уже император мог передать ее в юрисдикцию константинопольского епископа. Тем самым, для Нестория было вполне естественно обратиться к Целестину за разъяснениями по этому делу¹⁴. Впрочем, из письма Нестория папе явствует, что он приступил только к самой первой фазе дознания — сбору первичных сведений, которые были необходимы для выяснения того, имел ли иск итальянских епископов судебную перспективу. Как следствие, едва ли следует полагать, что у Нестория был богословский интерес к делу Юлиана: из его писем к папе видно, что для него это дело имело исключительно дисциплинарный характер¹⁵.

Далее следует пассаж, в котором Несторий, не называя имен, рассказывает о произошедших на Востоке разногласиях по поводу богословского толкования воплощения Христова. Зачинщиками того, что Несторий называет «немалой порчей православия» (*non modicam corruptionem orthodoxiae*), оказываются «некие наши клирики» (*quidam apud nos clericorum*), излагающие нечто «близкое гниению Аполлинария и Ария». Несторий приводит суть «новоявленных» взглядов: еретики полагают, что Бог-Слово получил «начало происхождения» (*originis initium*) от «Христородицы» (*de Christotoco*), в то время как «плоть после воскресения не осталась плотью, но перешла в природу божества»

¹² Codex Theodosii. XVI.V.65. Ср.: *Speigl J.* Der Pelagianismus... S. 3 и Anm. 15; *Lamberigts M.* Les évêques pélagiens... P. 268–269.

¹³ Это утверждает, к примеру, М. Ламберигтс: *Lamberigts M.* Les évêques pélagiens... P. 269 (« Reste à savoir pourquoi Julien et ses amis choisirent de faire appel à Nestorius »).

¹⁴ Именно так трактует эти факты автор старейшей обстоятельной работы, посвященной Юлиану Экланскому А. Брукнер. Он исходит из того, что Несторию не были известны обстоятельства дела Юлиана и он в дружелюбном ключе попытался выяснить их у Целестина, столкнувшись в итоге с не вполне адекватной реакцией последнего: *Bruckner A.* Julian von Eclanum. S. 68–71. Об искренней попытке Нестория следовать «братским обычаям церковных отношений» (« les usages fraternels des relations ecclésiiales ») говорит и Ш. Пьетри: *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Vol. 2. Roma: École française de Rome, 1976. P. 1350–1351.

¹⁵ См.: *Lamberigts M.* Les évêques pélagiens... P. 269–270.

(*carnemque dicant post resurrectionem non mansisse carnem, sed in naturam transisse deitatis*). Они «относят божество Единородного к происхождению соединенной плоти и умертвляют его вместе с плотью; соединенная же с божеством плоть, богохульствуют они, перешла к божеству в силу самого понятия обоожествления. Каковое есть не что иное, как исказить и то, и другое»¹⁶. Далее, они не боятся называть Деву «Богородицей» и вообще «некоторым образом трактовать ее вместе с Богом божественно» (*cum deo quodam modo tractare diuine*). Между тем, отцы Никейского собора ничего подобного о Деве не говорили, ограничившись лишь тем, что «Господь наш Иисус Христос был воплощен от Духа Святого и Марии Девы» (*dominus noster Iesus Christus incarnatus est ex spiritu sancto et Maria uirgine*). Также и в Писаниях Дева повсеместно называется «матерью Христовой» (*mater Christi*). По словам Нестория, благодаря его «борьбе» (*certauimus*) многие отвратились от своих заблуждений: «Со своей стороны, я считаю, что это [уже] обозначили предшествующие слухи, но и мы излагаем то, что произошло, дабы показать делами, что мы в духе братства желаем узнать о деле тех, о ком мы ранее сказали, не из-за жажды неуместного любопытства, поскольку и о наших [делах] мы рассказываем как братья братьям, объявляя друг другу истину о сектах, для того, чтобы начало [этого] моего послания выглядело вполне истинным: ведь сказал я, когда начинал это письмо, что мы нуждаемся во взаимных собеседованиях»¹⁷.

Таким образом, послание Нестория оказывается четко сбалансированным: наличие общих, по его мнению, проблем побуждает кон-

¹⁶ АСО. I.2. P. 13.13–17: *carnemque dicant post resurrectionem non mansisse carnem, sed in naturam transisse deitatis. ut in compendio dicam, deitatem unigeniti ad originem coniunctae carnis referunt et conmortificant carni, carnem uero coniunctam deitati ad deitatem transisse blasphemant ipso uerbo deificationis, quod nihil est aliud nisi utrumque corrumpere.*

¹⁷ АСО. I.2. P. 13.34–14.2: *Haec quidem existimo praecedentem famam significasse, exponimus uero etiam nos quae contigerunt, ut rebus ostendamus quia fraterno animo negotium eorum quos praediximus, nosse cupimus, non desiderio curiositatis importunae, cum et nostra narramus tamquam fratres fratribus, ueritatem sectarum nobis inuicem publicantes, ut sit mihi principium litterarum uerissimum; dixi enim, cum has litteras inciperem, quia fraternas nobis debemus inuicem colloquutiones.* М. Войтович полагает, что целью данной фразы Нестория была попытка «не создать впечатления, что епископ Константинополя оправдывается перед римским как перед начальником и испрашивает у последнего решения» («Damit war der Anschein vermieden, daß der Bischof von Konstantinopel sich vor dem römischen als einem Vorgesetzten rechtfertigte und bei ihm um Entscheidung nachsuchte»: *Wojtowytsch M. Papsttum und Konzile...* S. 284).

стантинопольского епископа обратиться к Целестину. С одной стороны, попытка со стороны ряда италийских епископов обратиться к императору, побуждает его сделать запрос о подробностях их дела. С другой — наличие богословских разногласий на Востоке, с которыми Несторий, по его мнению, постепенно справляется, вызывает необходимость уведомить о них Рим¹⁸. Применительно к обоим случаям Несторий дает четко понять, что он сам держит ситуацию под контролем и имеет возможность решить все вопросы самостоятельно, однако считает необходимым поддерживать контакт с римским епископом и учитывать мнение последнего¹⁹.

Поскольку Несторий не получил ответа ни на это письмо, ни на другие, направленные им в Рим, через некоторое время он написал Целестину еще одно послание, аналогичного содержания²⁰. Несторий говорит, что уже часто (*saepe*) писал папе о Юлиане сотоварищи²¹, но поскольку не получил до сих пор ответа от Целестина, не «смог им ответить и дать обстоятельный ответ на их стенания» (*luctibus eorum*). Несторий дополнительно сообщает, что мнения насчет изгнанных италийских епископов в Константинополе разделились: одни их считали еретиками²², в то время как сами они клялись, что «претерпели клевету и из-за козней подверглись опасности за православную веру»²³. Несторий просит Целестина «уведомить» (*informare*) его об этом деле и тем самым избавить от «тяжкого неведения» (*gravis ignorantia*).

¹⁸ См. о проповеднической деятельности Нестория в первые годы его епископства и ее целях: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. Т. 23. Fasc. 1–2. Р. 23–25.

¹⁹ Пересказ послания, углубленный анализ его богословской проблематики и богословских мотивов Нестория см. в: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. Т. 23. Fasc. 1–2. Р. 25–31.

²⁰ АСО. I.2. Р. 14.5–15.2. Краткий пересказ письма и предположения о побудительных мотивах Нестория к его написанию см. в: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. Т. 23. Fasc. 1–2. Р. 33–35. Среди прочего, автор приходит к выводу, что богословские взгляды, изложенные Несторием в обоих письмах к Целестину, были вполне в духе времени и соответствовали принципам антиохийского богословия: *Ibid.* Р. 35.

²¹ Предположения об общем количестве писем Нестория к Целестину в этот период см. в: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1350 и N. 3.*

²² М. Ламберигтс правдоподобно предполагает, что в качестве противника Юлиана и его сторонников в Константинополе выступил Марий Меркатор, составивший в 429 г. об их деле «Памятную записку» (*Commonitorium*) для императора и патриарха: *Lamberigts M. Les évêques pélagiens...* Р. 272 и N. 35. См. тж.: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1351–1352.*

²³ АСО. I.2. Р. 15.12–13: *ipsis uero iurantibus calumniam se sustinuisse et periculum pro orthodoxa fide ex subreptione perpessos...* См.: *Lamberigts M. Les évêques pélagiens...* Р. 271.

Далее Несторий вновь сообщает о неких церковнослужителях (ecclesiasticis), впавших в ересь Аполлинария и Ария, которые, «принимая некий смешенный из божества и человечества образ Единородного, болеют болезнью вышеупомянутых еретиков, когда дерзают пришеивать к божеству Единородного страдания тела, и измышляют, что неизменность божества перешла к природе тела, и обе природы, которым через высшее и неслиянное соединение поклоняются в одном лице Единородного, сливают переменчивостью смешения»²⁴.

В завершении письма Несторий напоминает Целестину о необходимости дать сведения о Юлиане сотоварищи, чтобы облегчить его труды по борьбе с еретиками, говоря о себе в третьем лице: «Размысли, что вновь необходимо [будет] страдать, если он не будет знать дела вышеназванных мужей и чрезмерно бояться, как бы по неведению не сотворить прибавления здесь находящимся еретикам. Почему и прошу я, чтобы всячески постаралась твоя святая душа даровать нам сведения о вышеназванных мужах»²⁵.

²⁴ ACO. I.2. P. 15.22–27: *quandam contemperationis imaginem (de) deitate et humanitate unigeniti accipientes aegrotant aegritudine praedictorum haereticorum, dum et corporis passionis audent superfundere deitati unigeniti et immutabilitatem deitatis ad naturam corporis transisse confingunt et utramque naturam, quae per coniunctionem summam et inconfusam in una persona unigeniti adoratur, contemperationis mutabilitate confundunt...* Какие церковнослужители имеются здесь в виду, см. в: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1349.*

²⁵ ACO. I.2. P. 15.33–35: *... considera quid iterum pati necesse est, si negotium praedictorum uirorum nesciat timeatque nimis ne additamentum haereticorum per ignorantiam hic positum faciat. unde rogo ut undique studiosum sit sanctae animae tuae donare notitiam praedictorum uirorum...* М. Ламберигтс, который полагает, что на самом деле Несторий был хорошо осведомлен о деле Юлиана, но оно служило ему просто предлогом начать разговор с папой о более важном для него конфликте на почве христологии. Он якобы даже заискивал перед папой, сообщая последнему, что не предоставляет поддержки Юлиану сотоварищи: *Lamberigts M. Les évêques pélagiens...* P. 271–272. Мы полагаем, что такие предположения неосновательны. Оба дела имели для Нестория примерно равное значение, однако дело Юлиана было ему поручено императором, в то время как нарождающийся спор с «аполлинаристами» больше вытекал из его собственной богословской позиции. Как это видно из писем Нестория, сведения о Юлиане сотоварищи были ему от папы как раз нужны, в то время как о христологических проблемах он римского епископа всего лишь информировал. См. тж.: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1351–1353.* Среди прочего Ш. Пьетри отмечает, что в то время как противники Нестория находились при дворе Целестина в Риме, недовольные решениями Целестина находились при дворе императора и Нестория в Константинополе. Это обстоятельство лишний раз показывает, что попытка обжаловать решения Рима у других престолов представлялась также вполне допустимой.

Послание Кирилла Александрийского к папе Целестину

После получения второго письма Нестория Целестин еще медлил с ответом и в это время получил письмо Кирилла Александрийского²⁶, извещавшего о нестроениях в Церкви в связи с богословскими взглядами Нестория²⁷. Кирилл отмечает, что мотивами его обращения к папе были следующие: «... поскольку же и Бог требует от нас трезвости в этих [делах], и давние обычаи Церквей убеждают посоветоваться с твоим блаженством»²⁸.

Это высказывание Кирилла примечательно с точки зрения восприятия римского епископа предстоятелем другой крупнейшей Церкви²⁹. Как видно, консультацию с римским папой Кирилл не причисляет к «обычаям Церквей», но лишь говорит, что обычаи подсказывают такую меру как желательную — «убеждают» в ее желательности³⁰.

²⁶ Э. Аманн утверждает, что именно Рим первым обратился за консультацией к Александрии по делу Нестория: *Amann E. L'affaire Nestorius vue de Rome (suite) // Revue des sciences religieuses. 1949. T. 23. Fasc. 3–4. P. 207–244* (здесь: P. 207: «Rome consulte Alexandrie»). Нам остается непонятным, на чем основано это утверждение.

²⁷ В этот момент у папы присутствовали ходатаи против Нестория, у Нестория — ходатаи против папы и Кирилла, у Кирилла — ходатаи против Нестория. В значительной мере это объясняет наличие у Целестина и Кирилла взаимной заинтересованности в действиях против Нестория. См. об этом: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1348–1355*.

²⁸ АСО. I.1.5. P. 10.18–20: ... ἐπειδὴ δὲ καὶ θεὸς ἀπαιτεῖ παρ' ἡμῶν τὸ νηφάλιον ἐν τοῦτοις καὶ τὰ μακρὰ τῶν ἐκκλησιῶν ἔθῃ πείθουσιν ἀνακοινοῦσθαι τῇ σῇ ὁσιότητι...

²⁹ В том, что в надписании письма Кирилл называет Целестина «отцом» (Τῷ ὁσιωτάτῳ καὶ θεοφιλεστάτῳ πατρὶ Κελεστίνῳ: АСО. I.1.5. P. 10.14), Х.Й. Фогт видит признак того, что он признавал папу «вышестоящим» (Höhergestellten): *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius // Konzil und Papst. Historische Beiträge zur Frage der höchsten Gewalt in der Kirche. Festgabe für Hermann Tüchle / Hrsg. von G. Schwaiger. München; Paderborn; Wien: Verlag Ferdinand Schöningh, 1975. S. 85–101* (здесь: S. 86). Это едва ли так, поскольку в других письмах Кирилл называет Целестина братом. Ср.: АСО. I.1.5. P. 33.23; P. 97.20. См. тж.: *De Vries W. Die Struktur der Kirche... S. 29–30* («Der Brief des Kyrillos an den Papst ist der Brief eines Mannes, der etwas erreichen will»: Ibid. S. 29). Стиль обращения, усвоенный Кириллом в письме к Целестину, Ш. Пьетри называет «прекрасным примером клерикального угодничества» («un bel exemple de flagornerie cléricale »): *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1355*. Ср. тж.: *De Vries W. Die Struktur der Kirche... S. 29–30*.

³⁰ Вполне очевидно, что данный факт не позволяет считать, что Кирилл признавал некое первенство или главенство Целестина над другими Церквями. Это, в частности, опровергает мнение Х.Й. Фогта, приведенное выше, о том, что Кирилл считал папу «вышестоящим». Также следует решительно отвергнуть мнение Э. Аманна,

Кирилл подчеркивает, что прежде не писал о «ныне сущем в Константинополе и управляющем Церковью» (περὶ τοῦ νῦν ὄντος ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει καὶ τὴν ἐκκλησίαν διέποντος) ни папе, ни кому-либо другому из епископов (τῶν συλλειτουργῶν), однако теперь, когда «мы достигли вершины бедствия» (εἰς ἀκμὴν ὥσπερ ἤκομεν τοῦ κακοῦ), он решил более не молчать³¹. Кирилл отмечает, что Несторий начал произносить с амвона «вещи нелепые, неразумные и далекие от апостольской и евангельской веры» (ἔκτοπά τινα καὶ ἔξω λόγου καὶ ὅσα μακράν ἐστι τῆς ἀποστολικῆς καὶ εὐαγγελικῆς πίστεως), каковые он многократно говорил и не прекращает говорить в церковных проповедях (τὰς μὲν ὁμιλίας ἃς ἐπ' ἐκκλησίας). Александрийский предстоятель, тем не менее, признается (ὁμολογῶ), что хотя он и намеревался написать Несторию соборное послание, сообщаемое о разрыве общения, однако этого не сделал, намереваясь, по его словам, «подать руку оступившимся и поднять павших братьев» (χεῖρα διδόναι καὶ ὡς ἀδελφοὺς πεσόντας ἐγείραι), для чего обратился к Несторию письменно (διὰ γραμμάτων) с увещаниями, но не преуспел (ἀλλ' ὠνήσαμεν οὐδέν)³². Далее Кирилл фактически признает, что приступил к практическим действиям против Нестория, на что тот в ответ «задействовал всякий способ злоумышления»³³.

который подает дело так, будто бы Кирилл Александрийский своим письмом передает дело Нестория на рассмотрение «апостольского престола» в духе мнения отцов Сардикийского собора о том, что папе следует «докладывать» обо всех делах, происходящих в других Церквах, и предписаний папы Иннокентия о *causae majores*, которые следует передавать в Рим, если они превосходят «поместную» компетенцию: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. Т. 23. Fasc. 3–4. Р. 210. См. о *causae majores* у Иннокентия: *Wojtowysch M. Papsttum und Konzile...* S. 209; *Грацианский М.В.* Роль и место Римской Церкви в межцерковных отношениях в понтификат Иннокентия I (402–417) // *Византийский временник*, 2020. Т. 104. С. 64–89 (здесь: С. 77–78); *Он же*. Вопрос делегирования полномочий в послании папы Иннокентия I к Руфу Фессалоникискому // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2021. № 97. С. 11–32 (здесь: С. 13–14). Ш. Пьетри отмечает данную фразу Кирилла, однако не связывает ее с тенденциями, восходящими к Сардикийскому собору: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. P. 1355–1356. М. Войтович усматривает более тонкий подход Кирилла к данному вопросу. Он считает, что Кирилл всего лишь отводит папе ведущую роль в нападении на Нестория, однако в целом подает борьбу с мнениями последнего как коллективную. Тем самым он не признает в папе своего главу. См.: *Wojtowysch M. Papsttum und Konzile...* S. 284–285.

³¹ АСО. I.1.5. Р. 10.23–28.

³² АСО. I.1.5. Р. 10.34–11.1.

³³ АСО. I.1.5. Р. 11.1–4: ἐπειδὴ δὲ μεμάθηκεν ὅτι τοσοῦτον ἀφεστήκαμεν τοῦ τὰ αὐτὰ

Далее Кирилл рассказывает историю о том, как некий епископ Дорофей на церковном собрании (ἐν συνάξει) в присутствии Нестория провозгласил анафему всякому, кто исповедует Марию Богородицей³⁴. Вследствие этого произошел раскол среди народа, так что многие, в том числе «почти все» (σχεδὸν ἅπαντα) монастыри и многие из сенаторов, перестали общаться с Несторием с тем, кто мыслит подобно ему. При этом приведенные Несторием в Константинополь антиохийцы вторили ему и «говорили всё извращенное» (πάντα λαλούντων τὰ διεστραμμένα). Ближе к концу письма Кирилл дополняет историю выступления Дорофея еще одним эпизодом: поскольку Несторий «не пожелал собственными словами» (ἰδίᾳ φωνῇ ... οὐκ ἠθέλησεν) анафематствовать тех, кто употребляет термин «Богородица», он поставил вместо себя Дорофея и через него озвучил анафему, сам же при этом сидел и слушал, а затем, «спустившись с престола, тут же причастился с ним, совершив божественные таинства»³⁵.

Записи проповедей Нестория достигли Египта (τῶν ὁμιλιῶν αὐτοῦ ἐνεχθεῖσιν εἰς τὴν Αἴγυπτον) и многих ввели в соблазн. Ради предотвращения этого Кирилл разослал по монастырям Египта «всеобщее послание» (καθολικὴν ἐπιστολήν) касательно правой веры. Далее кто-то доставил его в Константинополь и весьма многие, читая его «получили пользу» (ὠφέληνται), так что «большинство знатных людей» (πλείστοι τῶν ἐν τέλει)³⁶ писали Кириллу благодарственные письма. Как результат, это стало для Нестория «пищей для досады на меня, и как с врагом он со мной сражается, не имея обвинить ни в чем другом кроме как только в том, что не допускаю я мыслить то же, что и он»³⁷.

Далее Кирилл сообщает, что написал еще одно послание Несторию, «как бы вкратце содержащее изложение правой веры» (τὴν ἔκθεσιν ὡς ἐν συντόμῳ τῆς ὀρθῆς πίστεως ἔχουσαν), однако оно Нестория не убедило. Кирилл сообщает Целестину, что его позиция принимается «всеми восточными епископами» (ἅπασι τοῖς κατὰ τὴν Ἀνατολήν

φρονεῖν, ὡς καὶ ἐπιπλήττειν αὐτὸν μεταστήναι τῶν οἰκείων εὐρημάτων (οὐ γὰρ ἂν εἴποιμι δογματῶν), πάντα τρόπον ἐπιβουλῆς κекίνηκε καὶ εἰς ἔτι σαλεύων οὐ παύεται.

³⁴ Согласно рассказу Сократа (VII.32. Р. 380) это бы пресвитер Анастасий, выходец из Антиохии.

³⁵ ACO. I.1.5. Р. 12.16–19: ὃ καὶ κατελθὼν ἀπὸ τοῦ θρόνου εὐθὺς κεκοινώνηκεν, ἐπιτελέσας τὰ θεῖα μυστήρια.

³⁶ Celestini ep. 8 // PL. T. 50. Col. 451: plurimi e magistratu.

³⁷ ACO. I.1.5. Р. 11.21–23: γέγονε δὲ αὐτῷ καὶ τοῦτο τροφή τῆς κατ' ἐμοῦ λύπης καὶ ὡς ἐχθρῷ μάχεται, οὐδὲν ἕτερον ἔχων ἐγκαλεῖν ἢ ὅτι μόνον οὐκ ἀνέχομαι τὰ ἴσα φρονεῖν αὐτῷ.

ἐπισκόποις) при том, что все «негодуют и печалются» из-за Нестория, в особенности епископы Македонии³⁸, и что в отличие от одного Нестория (μόνος αὐτός) всеми православными епископами и мирянами «по всей вселенной» (κατὰ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην) Христос признается Богом³⁹, а Дева Мария — Богородицей. Тем не менее, Несторий, «властью престола злоумышляя против всех» (τῇ δυναστείᾳ τοῦ θρόνου πᾶσιν ἐπιβουλεύων), стремится убедить всех мыслить согласно с ним.

Кирилл признается, что не знает, что делать в ситуации, когда верующие в Константинополе «ежедневно растлеваются» (ὁσημέραι κατεφθαρμένων), ожидая помощи «от православных учителей» (παρὰ τῶν ὀρθοδόξων διδασκάλων). Тем не менее, «мы с уверенностью прекратим общение с ним не раньше, чем посоветуемся об этом с Вашим богочтением. Посему же соблаговоли выразить мнение, а также [указать] следует ли вообще общаться с ним или впредь с уверенностью отказаться, потому что с тем, кто мыслит и учит подобному, никто не общается. Видение твоего совершенства обо всем этом должно стать явным посредством грамот благочестивым и боголюбнейшим епископам в Македонии и всем на Востоке. Мы дадим им, согласно их желанию, поводы к тому, чтобы всем единодушно и единомысленно встать и побороться за правую веру, подвергаемую нападкам»⁴⁰. Совершенно очевидно из данного пассажа, что Кирилл запрашивает у Целестина лишь мнения последнего относительно учения Нестория — мнения, явное выражение которого должно повлиять на других епископов, прежде всего, «Македонии и Востока». Тем самым Кирилл явно стремится сформировать в широких церковных кругах определенное отношение к бого-

³⁸ Если епископы Македонии действительно выступили впоследствии безраздельно на стороне Кирилла, то о восточных епископах этого сказать нельзя: именно Иоанн Антиохийский и сирийские митрополиты оказались его самыми решительными противниками. На стороне Нестория выступили и многие представители Иллирика. Ср.: *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius. S. 87.*

³⁹ Фактическое обвинение Кириллом Нестория в том, что последний не признает Христа Богом, является очевидной полемической натяжкой. Ср.: *Amann E. L'affaire Nestorius... 1949. T. 23. Fasc. 3–4. P. 212–213.*

⁴⁰ ACO. I.1.5. P. 12.7–14: οὐ πρότερον δὲ τῆς πρὸς αὐτὸν κοινωνίας ἐκβάλλομεν ἑαυτοὺς μετὰ παρρησίας, πρὶν ἂν ταῦτα τῇ σῇ θεοσεβείᾳ ἀνακοινώσωμεθα. διὸ δὴ καταξίωσον τυπῶσαι τὸ δοκοῦν καὶ πότερον ποτε χρή κοινωνεῖν αὐτῷ ἢ λοιπὸν ἀπειπεῖν μετὰ παρρησίας ὅτι τοιαῦτα φρονοῦντι καὶ διδάσκοντι οὐδεὶς κοινωνεῖ. τὸν δὲ ἐπὶ τοῦτοις σκολὸν τῆς σῆς τελειότητος χρή γενέσθαι διὰ γραμμάτων καταφανῇ καὶ τοῖς εὐλαβεστάτοις καὶ θεοφιλεστάτοις ἐπισκόποις τοῖς κατὰ τὴν Μακεδονίαν, καὶ ἅπασι δὲ τοῖς κατὰ τὴν Ἀνατολὴν· ἐπιθυμοῦσι γάρ αὐτοῖς δώσωμεν ἀφορμὰς τοῦ πάντας μὴ ψυχῇ καὶ μὴ γνώμῃ στήναι καὶ ἐπαγωνίσασθαι τῇ ὀρθῇ πίστει πολεμουμένην.

словским положениям Нестория, прежде чем приступать к конкретным мерам дисциплинарного характера в отношении него. Важным для него тем самым является консенсусное решение епископата Египта, Италии, Востока и Македонии в отношении богословских вопросов: на демарш по разрыву общения Кирилл без решения других Церквей объявляет себя не готовым, даже при наличии поддержки со стороны Рима⁴¹.

Завершает Кирилл свое послание сообщением о том, что он приложил к нему «списки, содержащие отрывки глав» (τόμους κεφαλαίων ἔχοντας περικοπὰς) с высказываниями как Нестория, так и «блаженных и великих отцов» (οἱ μακάριοι καὶ μεγάλοι πατέρες), а также подготовил их перевод, «насколько это было возможно тем, кто в Александрии» (ὥς ἐνεδέχето τοῖς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ)⁴².

Согласно пожеланию Кирилла и ради рассмотрения посланий последнего, а также присланных материалов, Целестин провел в Риме собор⁴³. Соответственно, 11 августа 430 г. Целестином был направлен на Восток ряд посланий, целью которых было огласить сформулиро-

⁴¹ Вполне неуместным в этой связи, а также с учетом выраженного Кириллом намерения всего лишь «посоветоваться» с Целестином, можно считать утверждение Э. Аманна о том, что Кирилл обратился к Целестину, «прося о вмешательстве высшую юрисдикцию Церкви»: *Amann E. L'affaire Nestorius... 1949. Т. 23. Fasc. 3–4. P. 210* («... demander l'intervention de la plus haute juridiction de l'Eglise»). Также вопреки Аманну данное письмо нельзя считать «формальным обвинением» («une accusation en forme») Несторию со стороны Кирилла именно потому, что очевидным образом письмо Кирилла не является с формальной точки зрения иском или обращением в суд. Ср.: *Ibid.* О том, что обращение Кирилла к Целестину нельзя рассматривать как обращение в высшую судебную инстанцию, считает и М. Войтович: *Wojtowysch M. Papsttum und Konzile... S. 285.*

⁴² *ACO. I.1.5. P. 12.19–22.* См.: *Amann E. L'affaire Nestorius... 1949. Т. 23. Fasc. 3–4. P. 212; Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius. S. 89.* О возможных сложностях в Риме с пониманием и толкованием представленных Кириллом текстов: *Amann E. L'affaire Nestorius... 1949. Т. 23. Fasc. 3–4. P. 224.* Ш. Пьетри замечает, что Кирилл не «переоценивает возможностей римской канцелярии» (ne surestime pas les possibilités de la chancellerie romaine) и потому делает перевод документа на латинский язык: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1356.* Тот факт, что в отличие от Нестория Кирилл сразу прислал свои документы в переводе на латынь, М. Войтович считает достаточным объяснением того, что Целестин принял его сторону: *Wojtowysch M. Papsttum und Konzile... S. 284.* Анализ богословского содержания посланий Кирилла Александрийского 430 г.: *Van Loon H. The Dyophysite Christology of Cyril of Alexandria. [Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language. Vol. 96]. Leiden; Boston: Brill, 2009. P. 419–502.*

⁴³ См.: *Weckwerth A. Clavis Conciliorum Occidentalium septem prioribus saeculis celebratorum. [Corpus Christianorum. Claves — Subsidia, 3]. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. P. 244–245.*

ванную Римским собором позицию относительно обозначенных Кириллом Александрийским проблем⁴⁴.

Послание Целестина к Кириллу Александрийскому

Первым в этой серии посланий, составленных следует считать письмо папы самому Кириллу. Прежде всего Целестин соглашается с тем, что в Константинопольской Церкви имеют место нестроения и ее пастве требуется помощь для того, «чтобы стоять твердо в вере» (*ut in fide persistenter*). Фактически Целестин признает первенство александрийского епископа в раскрытии православной веры: «Но когда мы обращаем ум свой к писаниям твоего братства, сразу находим мы готовое средство; каковым целительным средством можно избежать губительной болезни, ибо речью твоей любви он источает влагу чистого источника, который всякую скверну плохо текущего ручья стирает и всем открывает то, что следует мыслить о нашей вере. Как того [т. е. Нестория. — М.Г.] мы порицаем и замечаем, так твою святость, как бы присутствующую в твоих письмах, мы любовью приветили, поскольку видим, что о Господе мы мыслим одно и то же. ... Мы радуемся, что твоей святости присуща такая бдительность, что превзошел ты примеры твоих предшественников, которые и сами всегда оказывались защитниками православного догмата⁴⁵. ... Мы добавили бы и нечто [еще], брат любезнейший, если бы не видели, что ты мыслишь всё то же, что мыслим и мы, и в самом утверждении веры не удостоверились, что [ты] — храбрый [ее] защитник⁴⁶. ... Все щупальца коварного

⁴⁴ *Regesta pontificum Romanorum* / Ed. Ph. Jaffé. T. 1. Lipsiae: Veit et comp., 1885. P. 56.

⁴⁵ Х.Й. Фогт отмечает странность этого утверждения с учетом того, что с предшественником Кирилла Феофилом Александрийским римская кафедра находилась в расколе из-за дела константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста, которого сам Целестин восхваляет в послании к Несторию: *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius*. S. 91–92. Еще ранее Э. Аманн отмечает, что Целестин занял в отношении Нестория противоположную позицию, нежели та, что папа Иннокентий занял в отношении Иоанна Златоуста. При этом Целестин во всем положился на мнение Кирилла Александрийского и солидаризировался с его позицией несмотря на то, что восстановление общения между кафедрами Рима и Александрии после конфликта по делу Иоанна Златоуста, состоялось совсем недавно — уже при Кирилле и Целестине: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. T. 23. Fasc. 1–2. P. 33. См. об этом: *Klug S. Alexandria und Rom. Die Geschichte der Beziehungen zweier Kirchen in der Antike*. [Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband. Kleine Reihe, 11]. Münster: Aschendorff Verlag, 2014. S. 280–306.

⁴⁶ Проявляемое и в дальнейшем нежелания Целестина рассматривать богословие Нестория по существу позволило, к примеру, Х.Й. Фогту предположить, что в вопро-

исповедания ты раскрыл и веру изложил так, чтобы сердце верующих в Христа-Бога нашего не могло увлечься в другую сторону. Великий триумф нашей веры — и столь храбро утвердить наше, и противное Святым Писаниям одолеть!»⁴⁷

Далее Целестин помещает пространное порицание «нечестия» Нестория, а затем признает необходимость принятия мер к тому, чтобы удержать последнего от падения «в пропасть» (*ad praecipitia*) и тем самым спасти даже «единую овцу», тем более, что, по мнению Целестина, сама эта овца превратилась в волка, от которого теперь следует спасти уже всё стадо⁴⁸.

Констатируя, что в любом случае является предпочтительным обращение заблуждающегося, а не его гибель, Целестин, тем не менее, изъявил готовность пойти на строгие меры. Как следствие, он сообщает решение Римского собора: «Да будут в общении те, кого он сам, как противящихся, лишил общения с собой. Да знает, что не может иметь нашего общения, если будет далее пребывать на этой тропе своего заблуждения вопреки апостольскому учению. Итак, привлеки на свою сторону авторитет нашего престола и воспользовавшись нашим местом, ты с решительной силой исполнишь такой приговор: или в срок десяти дней, исчисляемых после дня сего собрания, да осудит он письменным исповеданием свои неправые проповеди и да подтвердит, что придерживается той веры о Рождестве Христа-Бога нашего, которой и Римская, и твоей святости Церковь, и вселенское благочестие при-

сах богословия папа был «наивен» (*theologisch ... naiv*), в силу чего занял удобную позицию, которую Фогт именует «богословской воздержанностью» (*theologische Abstinenz*): *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius. S. 91–92.*

⁴⁷ ACO. I.2. P. 5.7–6.3: *dum uero mentem nostram ad tuae fraternitatis scripta conuertimus, paratum iam remedium quo pestifer morbus salubri remedio uitaretur, inuenimus, puri fontis liquorem tuae caritatis sermone manantem, qui caenum omne male fluentis riui detergeret et omnibus quid de fide nostra sentire debeat, aperiret. ut illum ergo reprehendimus et notamus, ita sanctitatem tuam uelut praesentem in litteris suis dominica sumus caritate complexi, cum unum idemque nos sentire de domino uideremus. ... gratulamur tantam inesse sanctitati tuae uigilantiam, ut decessorum tuorum, qui et ipsi semper defensores orthodoxi dogmatis extiterunt, exempla iam uiceris. ... adderemus aliquid, frater carissime, si non te eadem sentire quae sentimus omnia uideremus et in ipsa adsertione fidei defensorem fortissimum probassemus. ... omnes tendiculas praedicationis callidae detexisti et fidem taliter, ne Christo deo nostro credentium cor in alteram partem trahi ualeat, communisti. magnus fidei nostrae triumphus est et adseruisse nostra tam fortiter et aduersa sanctorum scripturarum testimoniis deuicisse.*

⁴⁸ ACO. I.2. P. 6.7–15.

держиваются⁴⁹. Или, если он этого не сделает, вскоре твоя святость, в промышленности о той Церкви, да знает, что следует всяко отделить от нашего тела того, кто не пожелал допустить к себе заботу целителей и, неся заразу, злостно поспешил на гибель как свою, так и всех ему введенных»⁵⁰. В завершении Целестин сообщает Кириллу, что послание аналогичного содержания было составлено им в адрес ряда восточных епископов, «дабы был известен о нем наш, а лучше сказать Христа нашего божественный приговор» (*ut nota sit de eo nostra, immo Christi nostri diuina sententia*)⁵¹.

Послание Целестина к восточным иерархам

Послание, о котором Целестин говорит в завершающих строках своего письма к Кириллу, было обращено им к Иоанну Антиохийскому, Ювеналию Иерусалимскому, Руфу Фессалоникскому и Флавиану

⁴⁹ Э. Амани логично задается вопросом, что какую именно веру, выраженную в каком документе, должен был бы подписать Несторий. Должен ли был Кирилл, которому папа поручает «привести приговор в исполнение», сам составить такой документ и представить его на подпись Несторию? Ср.: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. T. 24. Fasc. 1–2. P. 43–44. Таким документом оказывается послание к Несторию собора Египетского диоцеза, в конце которого Кирилл приводит свои знаменитые 12 анафематизмов и призывает Нестория с ними согласиться «без всякого лукавства» (συνθέσθαι δίχα δόλου παντός): АСО. I.I.I. P. 40.17–42.5. Тем самым Кирилл по своему усмотрению изменил требования Целестина, попытавшись заставить Нестория подписать те вероисповедные пункты, о которых папа не был осведомлен заранее. Ср.: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. P. 1365, 1367 и N. 2. Еще более четко говорит о независимом от папы образе действий Кирилла М. Войтович. В частности он отмечает, что Кирилл считал собор Египетского диоцеза под своим началом «равным по положению» (*gleichgeordnet*) Римскому: *Wojtowysch M. Papsttum und Konzile... S. 287*.

⁵⁰ АСО. I.2. P. 6.19–28: *sint in communione quos ipse resistentes sibi a communione submouit, nostramque communionem habere se non posse nouerit, si in hoc peruersitatis suae tramite apostolicae doctrinae contrarius perdurant. auctoritate igitur tecum nostrae sedis adscita, uice nostra usus, hanc exequeris districto uigore sententiam, ut aut intra decem dies ab huius conuentionis die numerandos prauas praedicationes suas scripta professione condemnet et hanc se de natiuitate Christi dei nostri fidem tenere confirmet quam et Romana et tuae sanctitatis ecclesia et uniuersalis deuotio tenet. aut nisi hoc fecerit, mox sanctitas tua illi ecclesiae prouisura a nostro eum corpore modis omnibus sciat esse remouendum, qui nec in se medentium curam uoluit admittere et in perditionem tam suam quam omnium sibi creditorum male pestifer festinauit.*

⁵¹ См.: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. T. 24. Fasc. 1–2. P. 35.

Филиппийскому⁵². Целестин сообщает о своем желании, чтобы среди людей повсеместно хранилась «единая истина правой веры» (*unam rectae fidei ueritatem*), однако не будет большой бедой, если где-то «за пределами паствы Господней» (*extra gregem dominicum*) кое-кто будет скрываться и тайно сообщать «немногочисленным» (*paucis*) нечто «другое» (*aliud*). Между тем, «когда некто, под именем священника поставленный во главе святой и священной Церкви, отклоняет сам народ Христов с пути истины к бездне беспутного убеждения, причем в важнейшем городе, к которому из-за почтения к населяющей [его] императорской [власти] со всего мира стекается множество [народа]⁵³, тогда естественно нужно применить сугубое стенание и большее пощение, дабы ни в чем не возобладали хищность волка!»⁵⁴

Посокрушавшись далее о том, что беда проникла в самую среду «верных», Целестин объявляет, что «обладающий Константинопольской Церковью» (*is qui Constantinopolitanam optinere uidetur ecclesiam*) ведет «извращенные» речи «против почитания девственного рождения и против надежды нашего спасения» (*contra reuerentiam uirginei partus et contra spem nostrae salutis*), о чем несомненно свидетельствуют его собственные писания⁵⁵. Поскольку потворство в таком деле является преступным, Целестин удалил от общения с собой «епископа Нестория и если кто другой, последовав за ним, это проповедует» (*episcopum Nestorium et si quis alius eum secutus haec praedicat*) до тех пор, пока тот письменно не осудит свои мнения и не докажет, что придерживается той веры, «которой в согласии с апостольским учением придерживаются, чтят и исповедуют Римская, Александрийская и кафолическая Вселенская Церковь»⁵⁶.

⁵² В греческом переводе обозначено как письмо одному Иоанну Антиохийскому: АСО. I.1.1. Р. 90.7.

⁵³ ср. 9 Апт. правило

⁵⁴ АСО. I.2. Р. 21.7–11: *cum uero aliquis sacrosanctae ecclesiae dei sub nomine praepositus sacerdotis ipsum Christi populum a tramite ueritatis in praeceps deuiiae persuasionis auertat et hoc in amplissima urbe, ad quam propter inhabitantis imperii reuerentiam de uniuerso orbe confluit multitudo, tunc plane est geminanda lamentatio et maior sollicitudo, ne quid lupi rapacitas praeualeat, adhibenda.*

⁵⁵ Если папа Целестин имеет здесь в виду два послания Нестория к нему, то очевидно, что он допускает в данном случае сильную натяжку.

⁵⁶ АСО. I.2. Р. 21.25–22.2: *... quam secundum apostolicam doctrinam Romana et Alexandrina et catholica uniuersalis ecclesia tenet ueneratur et praedicat.* Ср. неточный перевод Э. Аманна, в котором, в частности, опускается упомянутая Целестином «Вселенская Церковь»: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses.* 1950. Т. 24. Fasc. 1–2. Р. 36.

Далее Целестин воспроизводит то, что уже было сказано в письме к Кириллу Александрийскому: папа сохраняет общение с теми, кто отлучен Несторием; о самом Нестории, «лучше сказать, — Христом-Богом» вынесен приговор о том, что если в течение десяти дней тот не раскается и не присоединится к вере «Александрийской, Римской и Вселенской Церкви», то будет удален «от собрания епископов» (*ab episcoporum coetu*) и «станет причиной своей гибели» (*sibi suam obfuisse perniciem*)⁵⁷. Об обсуждении данного дела на Римском соборе и тем самым о соборном характере принятых решений Целестин прямо не говорит, однако на это указывает сама формула: «то, что нами постановлено» (*haec quae a nobis decreta sunt*)⁵⁸. О необходимости для адресатов присоединиться к решению церковных соборов Рима и Александрии папа также не говорит, указывая лишь на необходимость общей борьбы с «ложью наихудшего убеждения» (*a persuasionis pessimae prauitate defendas*). Тем самым со всей очевидностью демонстрируется, что, с одной стороны, римское «постановление» (*decretum*) не является автоматически обязательным для Церквей, к которым обращается папа⁵⁹, однако с другой — необходимость для всех остальных присоединиться к вере, которую уже якобы разделяет «Вселенская Церковь», выставляется как безальтернативная⁶⁰. Этот посыл четко коррелирует к заключительными словами послания Целестина к Несторию, где папа говорит о том, что фактически решение Римской Церкви по делу Нестория оказывается решением самого Христа⁶¹.

Послание Целестина к Несторию

Пространное послание Целестина Несторию, отосланное тогда же, начинается с упоминания дела Пелагия и Целестия, по поводу послед-

⁵⁷ В данном пассаже, а также и в пассаже, приведенным выше, является показательным поведение Целестина, который имея покамест сведения только о позиции Александрийской Церкви, уже вполне уверенно выступал от имени всей Вселенской Церкви.

⁵⁸ Термин *decretum* (*pl. decreta*) является *terminus technicus* именно для обозначения коллективных, соборных решений (*греч. δόγμα*).

⁵⁹ В сущности, позиция, занятая впоследствии по этому делу Иоанном Антиохийским, весьма однозначно об этом свидетельствует.

⁶⁰ Иоанн Антиохийский, который постепенно занял отрицательную позицию в отношении вероучения Кирилла после того, как 12 анафематизмов последнего были опубликованы, не ответил Целестину, таким образом выразив свое отношение к его позиции.

⁶¹ М. Войтович говорит о восприятии Целестином решения Римской Церкви как решения суда высшей инстанции: *Wojtowysch M. Papsttum und Konzile... S. 285–286.*

ствий которого папу запрашивал в своих письмах сам Несторий. Заявив, что после их осуждения «кафолическая вера пребывала в мире» (*catholicam fidem quies habuit*), чему способствовала позиция предшественников Нестория Аттика (406–425) и Сисинния (426–427)⁶², Целестин рассказывает, что его беспокойство по поводу преемственности позиции константинопольской кафедры в отношении веры после смерти Сисинния развеялись, когда он получил из Константинополя синодальные послания, содержащие наилучшие рекомендации новопоставленному предстоятелю, выходцу из Антиохии⁶³. Данное письмо Целестина служит ответом на два послания Нестория, которые папа, по его словам, давно получил, но до сих пор медлил с ответом, якобы из-за невозможности своевременно подготовить перевод писем «на латинский язык» (*in Latinum*)⁶⁴. Едва перевод был сделан, как пришли письма Кирилла с обвинениями в адрес Нестория. Эти письма, по словам папы, якобы уничтожили то доброе свидетельство, которое содержалось в письме участников рукоположения Нестория: «Ведь добрым началам твоим, насколько мы видим, воспоследовал дурной исход» (*bonis enim principiis tuis malus, quantum uidemus, successit euentus*), а также заставили папу пожалеть об изъятии радости, которое содержал его ответ на синодику Нестория.

Далее Целестин сообщает свои впечатления о прочтении как писем Нестория, так и его «книг» (*libros*). Отмечая многословность автора, переплетение в его книгах «истинного и темного» (*uera inuoluis obscuris*), противоречия, папа заявляет, что наиболее ясным обличением Нестория являются его собственноручные письма, в которых тот «желал рассуждать о Боге-Слове иначе, чем это делает вера всех» (*uolens de deo uerbo aliter quam fides habet omnium, disputare*)⁶⁵. Признав мнения Нестория «новшествами» (*novitatum*), папа с опорой на

⁶² АСО. I.2. P. 7.3–8.

⁶³ АСО. I.2. P. 7.16–20: *hoc tamen exeunte de saeculo, cum se sollicitudo nostra in tantum in quantum ei dominus permisit, extenderet, laetificauit animum nostrum uenientium narratio nuntiorum, quam mox firmavit eorum qui interfuerunt ordinationi tuae relatio collegarum, qui tibi testimonii tantum tulerunt quantum ferri huic debuit qui aliunde uidebatur electus.*

⁶⁴ То, что, очевидно, это была отговорка, отмечают и исследователи: *Amann E. L'affaire Nestorius... 1949. Т. 23. Fasc. 1–2. P. 31–32.*

⁶⁵ АСО. I.2. P. 8.5–10. Нельзя не отметить некоторого логического противоречия в словах папы. Говоря, что довольно краткие письма Нестория долго ожидали перевода на латинский язык, Целестин при этом заявляет, что смог оперативно ознакомиться с довольно пространными, написанными по-гречески трактатами Нестория и понять их еретическую суть.

Писание пускается в длительные назидания по поводу вреда новшеств в делах веры, внесения «извращений» и нежелания «передать то, что получил»⁶⁶. Заявляя, что Несторий раскалывает Церковь и тем самым оказывается покинут всеми в самом Константинополе, папа восклицает: «Не должны чистоту древней веры нарушать богохульные слова в отношении Бога-Слова! Разве никто и никогда не был сочтен достойным анафемы, прибавляя и убавляя [что-нибудь] в вере? Ведь полно и ясно передана [она] нам апостолами и ни прибавления, ни умаления не требует! Читаем мы, что к книгам нашим [ничего] нельзя ни прилагать, ни отнимать; великое, конечно же, полагается наказание и прилагающему, и отнимающему!»⁶⁷

Характерной отличительной чертой послания Целестина к Несторию является полный отказ папы от разбора мнений и утверждений последнего по существу. Из всего достаточно пространного послания папы к Несторию невозможно вынести никакого ясного суждения об учении константинопольского епископа⁶⁸. Вместо анализа и опровержения взглядов Нестория письмо папы наполнено риторическими обличениями. Утверждается, что присланных писем и сочинений Нестория оказывается вполне достаточно, чтобы уяснить ошибочность рассуждений последнего, по итогам которых тот приходит к «нечестивому утверждению» (*ad impium constitutum*): только косвенно можно установить, что здесь имеется в виду критика Несторием термина «Богородица». Вследствие двух обращений Кирилла и нынешнего обращение Целестина Несторий уже как бы три раза получал предложение

⁶⁶ ACO. I.2. P. 8.27–28: unde euidenter aduerte quod sit et quale periculum nec hoc quod acceperis, reddidisse.

⁶⁷ ACO. I.2. P. 9.3–7: quis umquam non dignus est anathemate iudicatus uel adiciens uel retrahens fidei? plene etenim et manifeste tradita ab apostolis nobis nec augmentum nec imminutionem requirit. legimus libris nostris non addi debere, non retrahi; magna quippe et addentem et retrahentem poena constringit.

⁶⁸ См.: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. P. 1360–1362. III. Пьетри показывает, что обвинения, выдвинутые Целестином против Нестория, не имели практически никакого основания ни в собственных мнениях Нестория, ни в тех аргументах, которые выдвигал против него Кирилл в своих многочисленных сочинениях. Он резюмирует: «Папа довольствуется тем, что заявляет о своей приверженности вере отцов, указывает на несколько ошибок, не повторяя анализа Кирилла и не издавая точного определения» («Le pape se contente de dire son attachement à la foi des Pères, d'épingler quelques erreurs, sans reprendre l'analyse de Cyrille et sans publier une définition précise»: *Ibid.*). Схожего мнения придерживается М. Войтович: *Wojtowytsch M. Papsttum und Konzile...* S. 286.

одуматься⁶⁹. Тем самым, если не одумается, он может считаться «совершенно отделенным» (*prorsus esse seiunctum*) «ото всей коллегии и собрания христиан» (*ab uniuersitate collegii et conuentu Christianorum*) и утратившим «блаженство» (*beatitudo*), которое было ему обетовано при поставлении, ибо он не справился с обязанностями пастыря и подверг опасностям паству⁷⁰.

Целестин продолжает свои суровые упреки Несторию, переводя их целиком в нравственную плоскость и указывая на нравственные и евангельские основы своего нелицеприятного подхода: «Я, верный раб, открыто преследую врагов моего благого Господа, поскольку пророк утверждает, что полною ненавистью он их ненавидит⁷¹; наставляют меня и слова другого, чтобы я не щадил⁷². На кого мне здесь оглядываться? Чью и в чем сохранять мне честь, когда речь идет о том, что устраняется причина всего моего упования? Есть в Евангелии слова самого Господа, которыми Он говорит, что не следует предпочитать Ему ни отца, ни матери, ни детей, ни какой-либо необходимости⁷³»⁷⁴. В силу этого Целестин не может относиться с большей любовью к человеку, который ввел в печаль Церковь (*maereret ecclesia*), нежели к Богу.

⁶⁹ Указание на наличие троекратного призыва к Несторию одуматься, очевидно, имеет в устах папы юридическое значение и аналогично практике троекратного призыва ответчика в суд. В случае, если ответчик игнорирует все три призыва, дело рассматривается без его участия и он может быть осужден *in absentia*. Именно к этому ведет дело Целестин. Ср.: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. Т. 24. Fasc. 1–2. Р. 32. Э. Аманн не отмечает юридическую сторону дела и видимо считает вполне приемлемой логику Целестина касательно того, что после трехкратного увещания вполне может последовать соборное отлучение кого бы то ни было без вызова в суд и без возможности в суде защищаться. При этом Аманном не отмечается и тот факт, что письмо Кирилла к Целестину о деле Нестория отнюдь не было судебным иском. Впрочем, это отмечает Ш. Пьетри: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. Р. 1357 («Ce n'est pas un appel lancé par Alexandrie à Rome...»). Ниже Пьетри указывает на процедурную несостоятельность суда Римского собора: *Ibid.* Р. 1363–1364.

⁷⁰ АСО. I.2. Р. 9.24–10.8.

⁷¹ Ср. Пс. 138:22.

⁷² Ср. Втор. 13:8.

⁷³ Ср. Мф. 10:37.

⁷⁴ АСО. I.2. Р. 10.14–19: *Persequor plane boni domini mei fidelis seruus inimicos, cum propheta adserat eos odio se odisse perfectio; moneor rursus, altero loquente, ne parcam. quem hic ego respiciam? cui honoris aliquid seruem? quando agitur ut mihi totius spei meae causa tollatur. ipsius in euangelio uerba sunt domini, quibus ait non sibi patrem, non matrem, non filios, non aliquam necessitudinem debere praeponi.*

Далее папа затрагивает вопрос отлученных Несторием клириков и выражает сожаление о том, что их епископ, по должности «высший проповедник» (*maximum praedicatorem*), превратился в гонителя. Папа напоминает Несторию о печальной судьбе епископов-еретиков, начиная с Павла Самосатского, впавших в ересь и заслуженно утративших свои кафедры. Здесь он находит уместным ответить на запрос, выраженный в письме Нестория, об италийских епископах, изгнанных за причастность к ереси пелагианства. При этом он и этот запрос превращает в пункт обвинения против константинопольского архиепископа: «Прочих изобретателей бед не меньшее обвинительное заключение навсегда изгнало из занимаемых Церквей; также праведное осуждение изгнало с кафедр и тех говорящих неправедное еретиков, о которых ты нас запросил, как будто не зная, каковы их деяния»⁷⁵. Выражая удивление по поводу того, что Несторий поддерживает общение с теми, учение кого о первородном грехе он не разделяет, Целестин считает, что Несторий сам должен был их изгнать вместо того, чтобы запрашивать в Риме протоколы их дела.

Свой отказ сообщить Несторию детали дела, которое очевидно не было известно в своих подробностях в Константинополе, Целестин прикрывает тем, что фактически обвиняет константинопольского предстоятеля в неведении относительно дел его кафедры: «Однако почему теперь требуются акты того, что в отношении них тогда было совершено, в то время как оттуда [из Константинополя. — *М.Г.*] кафолическим предстоятелем Атиком были нам тогда посланы деяния? Почему святой памяти Сисинний их не запросил? — Поскольку конечно же убедился, что при его предшественнике они были заслуженно осуждены»⁷⁶. Здесь Целестин фактически даже не скрывает, что выдумывает историю вовлеченности Константинополя в развивавшееся на протяжении 418–425 гг. довольно мелкое и неизвестное на Востоке дело италийского епископа Юлиана Экланского и его сторонников, которые только при Нестории оказались в Константинополе. Особенно это видно из того, как Целестин посредством чистого домысла объясняет бездействие

⁷⁵ ACO. I.2. P. 11.5–9: *reliquos inuentores malorum ecclesiis occupatis sententiae censura semper non dispar eiecit; hos quoque haereticos de quibus nos, uelut eorum quae gesta sunt nescius, consulere uoluisti, sedibus suis iniusta dicentes expulit iusta damnatio.*

⁷⁶ ACO. I.2. P. 11.16–18: *cur tamen nunc ea quae in hos tunc sunt acta, quaeruntur, cum certum sit illinc ad nos catholico tunc antistite Attico gesta directa? cur non sanctae memorire Sisinnius ista quesiuit? quia utique sub decessore suo probauerat eos iure damnatos.*

Сисинния⁷⁷. Вполне очевидно, что нежелание Целестина предоставить Несторию акты осуждения Юлиана сотоварищи объяснялось самими сумбурными обстоятельствами их осуждения в 418 г. папой Зосимом, который годом ранее лично объявил Пелагия и Целестия святыми⁷⁸. Из двух писем Нестория к Целестину явствует, что у него не было никаких сведений об этом деле, однако свой отказ предоставить константинопольскому предстоятелю акты осуждения Юлиана и его сторонников римский понтифик оформил в крайне высокомерном тоне: «Теперь ты начинаешь знать о них, если вдруг раньше не знал; но скорее следует тебе кафолическим и поспешным размышлением о своем деле, нежели о [деле] других, поскольку уместно нам сказать: врач, излечи себя самого, если желаешь помогать другим. Качество твоего заболевания не приемлет и не позволяет предоставить отсрочку»⁷⁹.

Переходя к завершающей части послания, Целестин фактически ставит Несторию ультиматум: «Мы одобряли и одобряем веру священника Александрийской Церкви, и ты, получивший от него увещание, вновь мысли вместе с нами, если хочешь с нами быть. С каковым бра-

⁷⁷ Между тем, к примеру, М. Ламберигтс считает эти явно невятные высказывания Целестина доказательством того, что Сисинний и Атик «ясно» заявили свое несогласие с пелагианским учением («... Sisinnius et Atticus, aient manifesté clairement leur opposition à la doctrine pélagienne », « Les prédécesseurs de Nestorius, Atticus et Sisinnius, se prononcèrent contre les pélagiens, comme il ressort clairement de la missive du pape Célestin à Nestorius »): *Lamberigts M. Les évêques pélagiens...* P. 265 и No. 4, 270–271. Ясной позицию Атика и Сисинния, так, как о ней заявлено Целестином, по нашему мнению, считать невозможно. Об обстоятельствах осуждения в Риме папой Зосимом в 418 г. Юлиана Экланского и его сторонников, а также о последующих событиях см.: *Wermelinger O. Rom und Pelagius*. S. 204–211.

⁷⁸ См.: *Грацианский М.В. Кризис авторитета...* С. 45–46. О действиях, которые предпринял в отношении Целестия Атик Константинопольский, не сообщалось в Рим, поскольку в тот момент между кафедрами Рима и Константинополя не было общения из-за дела Иоанна Златоуста. См.: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. T. 23. Fasc. 1–2. P. 35–36.

⁷⁹ АСО. I.2. P. 11.20–24: ecce scire de his incipis, si qua ante nescisti; causam tuam magis modo quam aliorum catholica et festina deliberatione curato, quia conuenienter dicimus: medice, cura te ipsum, qui aliis desideras subuenire. aegritudinis tuae qualitas non recipit aut praestari permittit indutias. Й. Шпайгл утверждает, что Несторий сам был виноват в том, что вызвал столь жесткую реакцию понтифика: ему не следовало писать в Рим и беспокоить Целестина по болезненному для папы делу. См.: *Speigl J. Der Pelagianismus...* S. 6–8. С Й. Шпайглем в данном вопросе не согласен М. Ламберигтс: *Lamberigts M. Les évêques pélagiens...* P. 271. Большое влияние факта апелляции пелагиан к Константинополю на осуждение папой Нестория отмечает и Ш. Пьетри: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. P. 1359.

том если выражается тобою согласие, после осуждения всего того, что ты мыслил до сих пор, хотим мы, чтобы немедленно проповедовал ты то, что, как видишь, проповедует он. Мы хотим, чтобы даже епископы, [поступающие] вопреки должному, исправлялись. О каковых мы, как заботимся посредством ранее бывшего обращения, так и с необходимостью утвердим в их отношении приговор осуждения, если они злоупотребляют нашим целительным наставлением»⁸⁰.

В качестве «свидетельства исправления» (*correctionis iudicium*) от Нестория требуется осудить «лживый догмат» (*prauī dogmatis*) и вернуть в Церковь всех, кто был изгнан из нее «ради Христа-Главы ее» (*propter Christum caput eius*) за то, что был в общении с папой (*in nostra communione*). Папа извещает, что направит послание «Константинопольской Церкви и всем, кто записывается христианским именем» (*ecclesiae Constantinopolitanae uel omnes qui censentur nomine Christiano*). В случае неисполнения Несторием папских требований, прежде всего отказа присоединиться к тому, «чего придерживается Римская, и Александрийская, и Вселенская кафолическая Церковь» (*quae et Romana et Alexandrina et uniuersalis ecclesia catholica tenet*), папа предупреждает, что все христиане Константинополя узнают, что их епископ отделен «от нашего сообщества, с которым у тебя не может быть общения» (*a nostro collegio, cum quibus tibi non potest esse communio*)⁸¹.

⁸⁰ АСО. I.2. P. 11.23–29: *Alexandrinae ecclesiae sacerdotis fidem et probauimus et probamus, et tu ammonitus per eum rursus senti nobiscum, si uis esse nobiscum. cui fratri si a te praebetur adsensus, damnatis omnibus quae huc usque sentisti, statim haec uolumus praedices quae ipsum uideas praedicare. nos contra fas etiam sacerdotes uolumus esse correctos; quibus ut praemissa conuentione consulimus, ita in hos necesse est damnationis sententiam, si abutuntur nostra salubri ammonitione, firmemus*. Ср. достаточно вольный перевод последней части этого пассажа Э. Аманном: «Il n'y a pas de déshonneur à ce que même des évêques se voient redressés par d'autres; c'est précisément notre office de voir comment ils marchent et de les condamner s'ils ne tiennent pas compte de notre rappel à l'ordre» (*Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. Т. 24. Fasc. 1–2. P. 33). В первом предложении этого парафраза, где Целестин указывает на его личное «право» вмешиваться в дела епископов, Аманн представляет дело так, как будто это некий общий принцип: дескать одни епископы могут увещевать других. Далее Аманн внезапно заявляет, что у Целестина «точно есть обязанность» или это «входит в его должность» осуждать епископов, если они игнорируют его «призыв к порядку». Ничего подобного в тексте, очевидным образом, не содержится, но именно такие искажения, поданные под видом перевода, могут быть использованы для аргументации в пользу наличия «папского примата» уже в V в.

⁸¹ Папа полагает, что по умолчанию того же «прекрасно придерживалась до те-

Папа предупреждает Нестория, что тот должен предоставить «открытое и письменное осуждение» своих взглядов «в пределах десяти дней, считая со дня объявления тебе этого обращения» (*intra decimum diem a primo innotescentis tibi huius conuentionis die numerandum*)⁸². Целестин сообщает, что свое судебное определение относительно Нестория (*formam ad te nostri iudicii*) он направил Кириллу Александрийскому, чтобы тот от имени папы (*uice nostra*) через диакона Посидония⁸³ сделал его известным «как тебе, так и всем братьям» (*uel tibi uel uniuersis fratribus*), поскольку это дело касается всех (*quotiens omnium causa tractatur*)⁸⁴.

Из текста письма Целестина к Несторию явствует, что оно является не декретом Римского собора августа 430 г., а личным посланием папы, формальным поводом к которому была необходимость ответить на предшествующие послания Нестория. Показательно, что в письме нет никаких упоминаний о проведенном соборе и только на основании последней фразы, содержащей упоминание о судебном определении, Несторий мог сделать косвенный вывод о том, что состоялся суд, однако формат судопроизводства должен был для него выясниться только на основании каких-либо устных сообщений⁸⁵. По-видимому, в небольшой степени его должен был удивить и факт судопроизводства в отсутствии обвиняемого и защиты.

бя святая и священная Церковь града Константинопольского» (*et sacrosancta Constantinopolitanae urbis ecclesia ad te usque optime tenuit*). См.: АСО. I.2. P. 12.1–8.

⁸² Х.Й. Фогт делает ошибку, считая, что предписание касательно десяти дней Несторию для покаяния Целестин сообщил только Кириллу, уполномочив таким образом последнего сообщить волю Римского собора Несторию: *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius*. S. 90. Anm. 39.

⁸³ О роли письменной инструкции Кирилла, данной его посланнику в Риме Посидонию, в которой учение Нестория было представлено в заведомо упрощенном и искаженном виде и которая послужила основой восприятия папой этого учения, см.: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. T. 23. Fasc. 3–4. P. 213–215; *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius*. S. 87–88, 90, 95 (Фогт утверждает, что в инструкции Посидонию Кирилл изложил богословие Нестория «так грубо, как только возможно»). В сходном духе высказывается и Ш. Пьетри: «Что касается богословской сути проблемы, он (Кирилл. — М.Г.) не слишком злоупотребляет римской проницательностью: обвинение упрощается и сосредотачивается на вопросе мариологии» («Sur le fond théologique du problème, il n'abuse pas trop de la subtilité romaine: l'accusation se simplifie et se concentre sur la question mariologique»: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. P. 1356).

⁸⁴ АСО. I.2. P. 12.12–15.

⁸⁵ Ср.: *Amann E. L'affaire Nestorius...* *Revue des sciences religieuses*. 1950. T. 24. Fasc. 1–2. P. 31.

Послание Целестина к константинопольцам

Весьма схожего содержания письмо было направлено «пресвитерам, диаконам, клиру ... и народу, составляющим Константинополь» (*presbyteris diaconibus clero ... et plebi consistentibus Constantinopolim*). Целестин открывает письмо цитатой из 2-го послания Павла к Коринфянам, в котором упоминается *забота о всех Церквах* (*sollicitudo omnium ecclesiarum*), которая побуждает и папу, узнавшего о том, что «извращением учения ... терзаются члены наши» (*peruersitate doctrinae ... nostra membra lacerari*), и «пылающего отеческой заботой» (*paterna sollicitudine nos urente*), прийти на помощь страждущим. На заблуждения Нестория относительно «рождения Девой и о божестве Христа, Бога-Спасителя нашего» (*de uirgineo partu et de diuinitate Christi dei saluatoris nostri*) и «извращенность нечестивого проповедования» (*peruersitatem impiae praedicationis*) папе открыл глаза Кирилл Александрийский. В этом сравнительно пространным письме Целестин единственный раз во всей серии писем от 10 августа 430 г. упоминает претензии к учению Нестория, уделяя этому вопросу целых две строки: «Ведь он разбивает в нашем Христе человеческую и божественную природу, приписывая Ему то только человека, то сообщество Бога, однако только когда соблаговолит»⁸⁶.

Несторий вновь называется волком, а не пастырем. Особой похвалы удостоиваются предшественники Нестория по кафедре Иоанн Златоуст, Акакий и Сисинний⁸⁷, при которых Константинопольская Церковь, по словам Целестина, ничего подобного не знала. При этом Целестин приписывает себе некое пророческое предвидение, говоря, что после смерти Сисинния «как будто предчувствуя будущее, оплакивали мы вас, дражайшие братья, преждевременно лишившихся его помощи»⁸⁸. Проповеди Нестория противоречат и тому, что Господь говорит о Себе, и тому, что о нем передают апостолы. Демагогический тон об-

⁸⁶ АСО. I.2. P. 15.23–25: *humanam enim in Christo nostro discutit diuinamque naturam, nunc solum hominem, nunc ei societatem dei, quotiens tamen dignatur, adsignans*. Ср.: *Amann E. L'affaire Nestorius...* Revue des sciences religieuses. 1950. T. 24. Fasc. 1–2. P. 34.

⁸⁷ В этой череде Целестин пропускает преемника Иоанна Златоуста Арсакия (404–405).

⁸⁸ АСО. I.2. P. 15.21–22: *fleuimus, fratres carissimi, uelut praescii futurorum, cito uos eius praesidio destitutos*. Отметим, что Сисинний был до своего поставления человеком неизвестным, поставлен Феодотом Антиохийским, пребывал на кафедре полтора года и едва ли мог успеть стать хорошо известным папе. См. Сокр. VII.26. P. 375. Характеристика Сисинния Целестином тем не менее в целом согласуется с той, что дает Сисиннию Сократ в своей «Истории»: VII.26. P. 377. Нельзя не отметить при

винений в адрес Нестория достигает здесь своей кульминации: «Итак, открыто возвещаем мы вашей любви, что не можем говорить без слез: ваш толкователь дал бой истине, поднял руку на древнюю веру, нападает на апостолов, презирует пророков, словам говорящего о Самом себе Господа не следует! Какой религии и по каким законам он называет себя епископом, злоупотребив и Новым, и Ветхим Заветом?»⁸⁹

Заявив, что Несторий действует в духе еретика Павла Самосатского, Целестин далее обвиняет константинопольского предстоятеля в отсутствии смирения и в стремлении к мирской славе: «Ясно же, что такие словесные новшества порождаются суетной любовью к славе: когда некоторые хотят казаться себе тонкими, прозорливыми и мудрыми, они ищут, что бы выдать нового для того, чтобы стяжать у неопытных душ мирскую славу остроумца. Но кто когда-либо стяжал истинную славу, представляясь [сам] себе мудрым?»⁹⁰ И в продолжении этой мысли он резюмирует: «Глупым стал он, называя себя мудрым!»⁹¹, поскольку «воздвиг себя против Самого Господа величия (*dominum maiestatis*)» и, помыслив противное Духу Святому, оказался им покиннут и пал⁹².

Отказываясь на протяжении всей переписки от дискуссии с Несторием по существу, не обсуждая даже контраргументов своего союзника Кирилла Александрийского, Целестин намекает на то, что ему самому Бог ведом и истина известна⁹³. Утверждение о глупости Нестория,

этом, что данное «пророческое» видение Целестина о смерти Сиссиния очевидно противоречит пассажу из его же письма к Несторию, в котором он говорит, что был обрадован поставлению последнего, получив синодику и свидетельства участников рукоположения.

⁸⁹ ACO. I.2. P. 16.27–31: *aperte ergo dilectioni uestre, quod sine lacrimis non possumus dicere, nuntiamus: mouit disputator uester proelium ueritati, antiquae fidei intulit manus, impugnat apostolos, prophetas respuit, ipsius domini nostri de se dicentis uerba non sequitur. cuius religionis uel quibus legibus se episcopum dicit, abusus nouo et uetere testamento?*

⁹⁰ ACO. I.2. P. 17.5–8: *certum est autem quia tales sermonum nouitates de uano gloriae amore nascuntur: dum sibi nonnulli uolunt acuti perspicaces et sapientes uideri, quaerunt quid noui proferant, unde apud animos imperitos temporalem acuminis gloriam consequantur. sed quis umquam ueram gloriam, dum sibi sapiens uidetur, optinuit?*

⁹¹ ACO. I.2. P. 17.14: *stultus factus est cum se dicit sapientem.*

⁹² ACO. I.2. P. 19.5–10.

⁹³ Ср.: «Ведь никто глубоко преданный религии не мыслил о Христе [ничего] другого, чем Тот пожелал мыслить о Самом Себе» (*nemo enim bene religioni deditus aliud de Christo sensit quam de se uoluit ipse sentiri*: ACO. I.2. P. 16.34–35); «Откровенной глупостью, конечно же, является не знать Того, Кто, как мы знаем, есть мудрость и сила Бога: ведь он [Несторий. — М.Г.] признается, что не знает того, о чем рассуждает»

который, дескать, не разбирается в общеизвестных вещах, позволяет папе с чистой совестью уклониться от дискуссии: «И хотя следует нам ... не давать никакого ответа его невежеству, чтобы ему не уподобиться, убеждаем мы [его] тем не менее следовать с нами за апостолами и за пророками»⁹⁴. Папа призывает клир и народ Константинополя сопротивляться «проповедям врага» (*inimici praedicationibus*), под которым одновременно имеется в виду и Несторий, и диавол, однако допускает, что в своих действиях он нарушил некий порядок (*ordinem non esse servatum*), поскольку за разъяснением спорных вопросов он сначала должен был обратиться к Константинопольской Церкви⁹⁵, ибо «на вас лежит большая забота, поскольку внутри вашей Церкви говорится то, что Церкви противно»⁹⁶. Употребляя подчеркнуто военную лексику, Целестин призывает клириков и мирян столицы бороться со своим епископом⁹⁷. Эту борьбу он называет «внутренней войной» (*intestino bello*) и «домашней битвой» (*domestico proelio*)⁹⁸. Признавая, что это он сам вместе с Кириллом Александрийским в нарушении «порядка» инициировали борьбу с Несторием, Целестин тем не менее объявляет константинопольцев «предводителями» (*duces*) этой борьбы⁹⁹. В этой связи он восхваляет тех епископов и клириков, что были низложены Несторием и лишены им общения. Не вникая в обстоятельства их низложения, он объявляет их борцами за правую веру, отмеченными подвигами и наградами, и увещевает терпеливо переносить страдания по примеру первомученика Стефана.

Впрочем, отлученным следует иметь перед глазами и пример Афанасия Александрийского, который с помощью Божьей, «будучи изгнан оттуда (из Александрии. — М.Г.), здесь (в Риме. — М.Г.) был возрожден: там, в конце концов, было ему возвращено положение и у той кафедры нашел он мир общения, которой всегда кафоликам оказы-

(professa quippe stultitia est illum quem dei scimus esse sapientiam uirtutemque, nescire; nescire enim se ea quae discutit, confitetur: ACO. I.2. P. 17.14–16).

⁹⁴ ACO. I.2. P. 17.19–20. На отсутствие разбора по существу мнений Нестория как в письме к самому Несторию, так и в письме к его клиру, обращает внимание Э. Аманн: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. Т. 24. Fasc. 1–2. P. 34.

⁹⁵ ACO. I.2. P. 18.1–2.

⁹⁶ ACO. I.2. P. 17.23–24. См.: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. Т. 24. Fasc. 1–2. P. 34.

⁹⁷ ACO. I.2. P. 18.8–24.

⁹⁸ ACO. I.2. P. 17.26–28.

⁹⁹ ACO. I.2. P. 18.3–4.

вается помощь»¹⁰⁰. На основе данного утверждения и последующего изложения становится ясно, как Целестин видит положение Римской Церкви. Имея в виду того же Афанасия, он продолжает: «Однако среди мучений не почувствовал усталости тот, кто благодаря гонению стал исповедником! Посему никто не должен оплакивать наложенное на него временное изгнание, ибо благодаря Богу никто из них не является изгнанником. Будем бояться, как бы не быть нам изгнанными из области живых, то есть той, которую мы хотим иметь нашей родиной. Это наше, это непреходящее, это вечное! Ведь не наше то, откуда совершается переход, но поистине всё то, что обещает [нам] вернейшая надежда!»¹⁰¹ Таким несложным образом Целестин соединяет идею о бегстве Афанасия в Рим и получении там помощи с идеей о стремлении всех изгнанных правды ради к некоей общей вечной и обетованной области — не без намека на то, что таковой является папский Рим.

В доказательство последнего он немедленно затем говорит, что, как «открыто постановил авторитет нашего престола», никто из низложенных Несторием, не «оказывается ни низложенным, ни отлученным», но все продолжают пребывать в общении с Римом (*in nostra communione*)¹⁰². Таким образом, Иннокентий проводит мысль о том, что папский престол, с одной стороны, является неким «центром», с которым правоверные других Церквей могут «автоматически» сохранять общение, а с другой — папа и его Собор сами решают, кого признавать правоверным¹⁰³. Между тем, нельзя упускать из виду того, что вопрос о дальнейшем общении с Несторием был поставлен именно Кириллом Александрийским в письме последнего к Целестину. Кирилл не скрывал, что без мнения Римской Церкви он не готов пойти на разрыв с Несторием¹⁰⁴, в то время как очевидно и то, что без инициативы Кирилла и без интеллектуальной поддержки с его стороны, папа не смог бы провести богословскую экспертизу мнений Нестория и не занял бы решительную позицию.

¹⁰⁰ ACO. I.2. P. 19.26–27: *fugatus illinc, in nostris partibus recreatus est; denique hic ei reintegratus status est et in hac sede requiem communionis inuenit, a qua semper catholicis subuenitur*. См.: *Vogt H.J. Papst Cölestin und Nestorius*. S. 94.

¹⁰¹ ACO. I.2. P. 19.28–20.3.

¹⁰² ACO. I.2. P. 20.7–11.

¹⁰³ См.: *De Vries W. Die Struktur der Kirche gemäss dem Konzil von Ephesos (431) // Annuario historiae conciliorum*. 1970. Bd. 2. Heft 2. S. 22–55 (здесь: S. 27); *Wojtowycsch M. Papsttum und Konzile...* S. 287.

¹⁰⁴ ACO. I.1.5. P. 12.7–14.

Отмечая необходимость своего личного участия в деле Нестория, Целестин «из-за морских и земельных пространств» поручает представлять интересы Римской Церкви в этом вопросе на Востоке Кириллу Александрийскому¹⁰⁵. В самом конце письма к константинопольским клирикам он сообщает, что к письму прилагается сам приговор: очевидным образом приговор Римского собора о деле Нестория¹⁰⁶.

Нельзя не отметить, что в деле осуждения Нестория папа Целестин проявил труднообъяснимую спешку¹⁰⁷. Его позиция, заявленная в ряде посланий, а также то обстоятельство, что о деле Нестория были поставлены в известность Церкви Антиохии и ведущие кафедры Македонии (Фессалоника и Филиппы), позволили Кириллу Александрийскому говорить о признании учения Нестория еретическим как о свершившемся факте¹⁰⁸. Однако такой подход оказался категорически неприемлем для императора Феодосия (408–450), который 19 ноября 430 г. обратился к Кириллу с весьма резким по тону посланием. В первых же строках он дает понять, что рассматривает священство как людей безупречных, достойных почета и восхваления со стороны императора, а дела веры как предмет соглашения, а не приказа: «Священником подобает вызывать удивления и честностью нравов и тщательности в отношении веры, а также изъяслять простоту жизни и признавать, что природу всякого дела и особенно правила относительно благочестия больше раскрывает исследование нежели упрямство. Ведь нам их изначально установило не запугивание какого-либо вельможи или того, кто мыслится могущественным, но постановление

¹⁰⁵ Естественным вопросом о том, как бы Кирилл Александрийский мог привести в исполнение приговор римского собора, особенно в случае вполне прогнозируемого отказа Нестория подчиниться подобным домогательствам и в отсутствии поддержки со стороны восточного императора, задается Э. Аманн: Amann E. L'affaire Nestorius... *Revue des sciences religieuses*. 1950. T. 24. Fasc. 1–2. P. 43.

¹⁰⁶ ACO. I.2. P. 20.18–19: et quia nostra in tanto negotio propemodum praesentia necessaria uidebatur, uicem nostram propter marina uel terrena spatia ipsi sancto fratri meo Cyrillo delegantes...

¹⁰⁷ Ср.: Amann E. L'affaire Nestorius... *Revue des sciences religieuses*. 1950. T. 24. Fasc. 1–2. P. 40 («Il semble qu'à Rome, on se soit surtout préoccupé de faire vite»); 43–44 («... il reste que l'initiative de Célestin à l'endroit de Cyrille, le fait de lui confier, sans prendre les précautions nécessaires des pouvoirs exorbitants du droit commun, témoigne d'une certaine hâte à la Curie»).

¹⁰⁸ Ср. письмо Кирилла к Ювеналию Иерусалимскому, где он утверждает, что в Риме Несторий был «непреклонно осужден как еретик» (κατεγνώσθη λοιπὸν ἀραρότως ὡς αἱρετικός): ACO. I.1.1. P. 97.22.

ние священников и святого собора; и всем очевидно, что религия получает утверждение не приказом, а скорее согласием»¹⁰⁹. Как следствие, он немедленно обвинил Кирилла в том, что тот, презрев самого императора, посеял повсюду смятение (*tumultum*) среди «священников» и внес разделение (*diuisionem*) в Церкви, предпочтя действовать дерзко (*audacia*) и не соблюдая приличия (*honestas*) ни в отношении священников, ни в отношении самого императора¹¹⁰. «Знай, — продолжает император, — что ты повсюду внес смятение вопреки тому, что подобает»; сам же Феодосий в этой ситуации заботится о священном спокойствии¹¹¹. Тот факт, что Кирилл настойчиво рассылал трактаты и послания как епископам, так и императору и членам его семьи, было сочтено Феодосием как «превосходящая меру» (*excedentem mensuram*) попытка внести повсеместный раздор (*discordare*) и разделить членов не только Церквей, но и самих императоров, каковое неприлично делать никому, а тем более священнику¹¹².

Для демонстрации единства «Церквей и империи» (*et ecclesias poueris et imperium unitum*) император объявляет намерение собрать собор, в присутствии которого Кирилл сможет вести речи о благочестии (*sermone pietatis*), и уже отцы собора решат, заслуживают ли они снисхождения или нет. Приказного подхода в делах веры император не потерпит, а потому собирается устроить «обсуждение» (*discussionem*) и провести суд (*iudicium*), решение которого Феодосий намерен принять: «Но мы не допустим ни того, чтобы города и Церкви приводились в замешательство, ни неисследованных нами речей, судьями на которыми надлежит воссесть [собранным] отовсюду предстоятелям священства, через которых и мы и являемся и впредь будем вполне твердыми в истинном исповедании»¹¹³. В конце послания импера-

¹⁰⁹ ACO. I.3. P. 47.18–24: *sacerdotes autem decet et ex morum benignitate et ex suptilitate circa fidem esse mirandos et simplicitatem semper ostendere uitae et agnoscere quia uniuscuiusque causae naturam et circa pietatem maxime rationes magis inuenit inquisitio quam pertinacia. ab initio etenim non nobis eas interminatio unius cuiusque potentis aut qui posse putaretur, sed sanctorum patrum et sacri concilii decretum constituit, et omnibus palam est quia religio firmitatem non ex iussione habet potius quam consensu.*

¹¹⁰ ACO. I.3. P. 47.24–29.

¹¹¹ ACO. I.3. P. 47.30–48.2: *nunc autem cura nobis erit sacrae tranquillitatis. omnia uero scito te commouisse non ut oportebat.*

¹¹² ACO. I.3. P. 48.2–11.

¹¹³ ACO. I.3. P. 48.17–19: *nos tamen conturbari ciuitates et ecclesias non patiemur, sed neque inexaminate nobis sermones, quorum oportet iudices praesidere undique praesules sacerdotii et per quos nos firmiores uerae sectae sumus et erimus.*

тор предписывает Кириллу вместе с другими епископами митрополий прибыть в надлежащее время в то место, которое будет указано особым письмом, «для тщательного исследования вопросов» (*ad perscrutationem quaestionum*)¹¹⁴.

Таким образом, следует обратить внимание на то, что именно император Феодосий предписывает участникам конфликта канонический и очевидно справедливый способ рассмотрения вероучительных вопросов. Констатируя, что односторонние решения, а также частная агитация ведут к расколу в среде «городов и Церквей», — который к моменту, когда император направил свое письмо Кириллу Александрийскому, по сути дела, уже состоялся, — Феодосий требует общецерковного обсуждения сути богословских разногласий с целью выяснения богословской истины: «Ведь равным образом повсюду написано нашим величеством о вышеуказанном святом соборе для боголюбезных епископов митрополий с тем, чтобы таковым деянием возникшее из-за сомнений замешательство было, согласно церковным правилам, рассеяно, и тому, что неподобающе соделалось, было дано исправление и возникло в отношении Бога благочестие, [в отношении же] общественных [дел] — прочная польза; и конечно, никому в отдельности не следует производить никакого новшества, покамест святейший собор не даст обо всем будущего определения посредством общего постановления»¹¹⁵. Как нетрудно заметить, император считал предпринятые к тому моменту решения Александрийского и Римского собора и их предстоятелей «частными» (*seorsum*)¹¹⁶ действиями, не могущими представлять общецерковной точки зрения на проблему. Тем самым отвергалась многократно заявленная папой Целестином позиция о том, что его решение отражает позицию Римской, Александрийской и «Вселенской Церкви»¹¹⁷. Очевидно, что целью императора было выяснение позиции как раз Вселенской Церкви в отношении возникших

¹¹⁴ ACO. I.3. P. 48.24–30.

¹¹⁵ ACO. I.3. P. 50.15–21: *scriptum namque est a pari a nostra maiestate de praedicta sancta synodo deo amabilibus episcopis ubique metropolitanis, quatenus hoc facto et turba quae ex dubitationibus prouenit, secundum ecclesiasticas regulas dissoluatur et in his quae non decenter facta sunt, detur correctio et circa deum reuerentia et publicorum utilitas firma consistat, nulla quippe ante sanctissimam synodum et futuram ab ea communi decreta in omnibus dari formam nouitate seorsum ab aliquibus facienda.*

¹¹⁶ ἰδίᾳ в греческом переводе послания императора: ACO. I.1.1. P. 115.32.

¹¹⁷ Ср. Ш. Пьетри: «Эта процедура (т. е. собор. — М.Г.) ... игнорирует римское вмешательство» («Cette procédure ... ignore l'intervention romaine»: *Pietri Ch. Roma christiana. Vol. 2. P. 1368*).

богословских вопросов, и так же очевидно, что мнения Кирилла Александрийского и Целестина Римского Феодосий не считал выражающими общее мнение всех Церквей и основанными на «общем постановлении»¹¹⁸. При этом император оказывается единственным лицом, которое имеет возможность создать условия для выяснения общецерковного мнения посредством созыва «великого собора».

Судя по словам и действиям папы Целестина, столько же очевидно, что для него вопрос стоял иначе. Невозможно сказать, по какой причине он откладывал свой ответ Несторию, обратившемуся к нему за разъяснением конкретных церковно-политических вопросов, касающихся осужденных в Италии епископов, и указавшему на обозначившиеся на Востоке богословские разногласия. Тот факт, что Кирилл и Несторий практически одновременно прислали ему свои богословские сочинения, Целестин, по-видимому, воспринял как призыв выступить судьей в споре, хотя и очевидно, что намерением и Кирилла, и в еще большей степени Нестория было лишь информирование папы о происходящем и — со стороны Кирилла — призыв сформировать свою точку зрения на зарождающиеся расхождения. Те обстоятельства, что дело о правой вере Нестория было рассмотрено папой без его ведома и в его отсутствие, а принятое папой решение вне всякой принятой практики следовало довести до Нестория и проследить за его выполнением Кириллу Александрийскому, выставляли всю ситуацию в гротескном свете. Именно император дал понять, что осуждение Нестория как еретика Римским собором и попытка Кирилла Александрийского провести его принятие на Востоке, с точки зрения церковных обычаев недопустимы, тем более при игнорировании позиции собственно константинопольского клира, которое Целестин в своем послании к последнему даже не скрывал.

Далее, принципиальным моментом, который очевидным образом вызвал резкую реакцию императора, был отказ от изучения и опровержения богословской позиции Нестория по существу, который продемонстрировал и засвидетельствовал Римский собор и папа Целестин

¹¹⁸ Несмотря на то, что созыв собора тактически был выгоден для Нестория, не следует, следом за Ш. Пьетри, преувеличивать значение этого обстоятельства и говорить, что собор был вызван исключительно тактическими обстоятельствами. Ср.: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. P. 1368. Император, вне зависимости от сиюминутных побуждений, посредством созыва «великого собора», очевидно, предписывает наиболее соответствующий ситуации формат разрешения конфликта, в который оказались вовлечены целых три «великих престола».

лично. Отсутствие понимания дебатруемой богословской проблемы в целом всегда было типичным для римского престола¹¹⁹, однако конкретно в контексте событий 430 года оно отягощалось еще и тем фактом, что Римский собор чисто технически не мог произвести оценку объемных произведений Кирилла и Нестория, поскольку они были составлены на греческом языке¹²⁰, а даже для их перевода на латинский язык времени было совершенно не достаточно¹²¹. В силу занятой императором позиции, перечеркивавшей легитимность решения Римского собора и передающей вопрос о православии богословских мнений Кирилла и Нестория большому собору, действия папы в 430 г. можно очевидно квалифицировать как не достигшие своего результата — осуждения Нестория и его богословских мнений, его низложения и признания этого прочими Церквями для демонстрации кафолического согласия с решением римского понтифика¹²².

¹¹⁹ Применительно к сравнению богословий Кирилла и Нестория это констатирует Э. Аманн: *Amann E. L'affaire Nestorius... Revue des sciences religieuses*. 1950. Т. 24. Fasc. 1–2. Р. 51.

¹²⁰ Ср. мнение Э. Аманна: *Amann E. L'affaire Nestorius...* 1949. Т. 23. Fasc. 1–2. Р. 33 («Si l'on avait été incapable de lire les lettres de l'archevêque, comment aurait-on pu étudier un recueil assez volumineux de discours ou de commentaires?»).

¹²¹ Так, в письме к Несторию Целестин в качестве причины задержки с ответом выставляет то, что сравнительно краткие послания Нестория требовалось сначала перевести на латинский язык (*erat enim in Latinum sermo uertendus*): ACO. I.2. Р. 7.23–24. Именно на латинском языке письма Нестория в итоге и сохранились.

¹²² Именно так, к примеру, их квалифицирует Ш. Пьетри, отмечая, что влияние Рима на последующие события, связанные с проведением собора 431 г., не было весомым: *Pietri Ch. Roma christiana*. Vol. 2. Р. 1347 («En 431, après son échec, Rome paraît écartée du conflit»), 1365–1375.